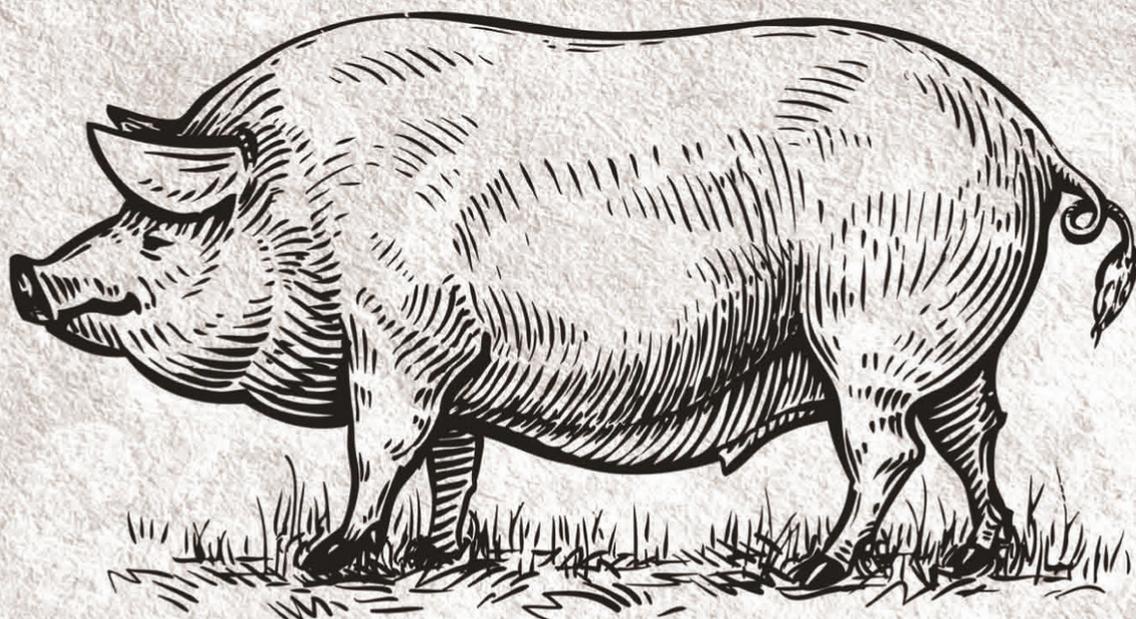

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ДМБ

САМАЯ СРОЧНАЯ СЛУЖБА

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин
Самая срочная служба

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Самая срочная служба / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (ДМБ)

Казалось бы, постройка свинарника — не такое уж сложное дело. Но только не в случае, когда оно поручено удалой пятерке «химиков». И сами-то они не очень рады такой задаче, да еще и все как сговорились, чтобы им помешать. Десантники-хулиганы, бунтующие хряки, неожиданные ворюги... И конечно, не обойдется без девушек...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил СЕРЕГИН

ДМБ: САМАЯ СРОЧНАЯ СЛУЖБА

Глава 1

ТЕРМИНАТОР

*Солдату строить хочется,
Но только не свинарник,
Ему б своих товарищей
Застроить спозаранок.*

Утро. Ясно и тихо. Солнечный лучик пробежался по подоконнику, затем перебрался на цветок, растущий в глиняном невзрачном горшке, перебежал на дужки кровати, спустился на чистый дощатый пол, а потом вновь поднялся вверх, вернулся к увядающему, несмотря на все старания его владельцев, цветочку, полюбовался на сиротливо торчащий листик, подивился тому, как такой тоненький стебелечек может держать столь значительный, размером с пятирублевую монетку, листок, и, как бы вспомнив, зачем же он влетел в комнату, бросился щекотать нос рядовому Валетову. Дверь в кубрик с треском открылась, и на пороге появился свежий и бодрый прапорщик Евздрихин.

– Эй! Ну-ка подъем! – выкрикнул он.

Народ недовольно зашевелился в люльках. Кто-то заметил, что дневальный еще не орал. Прапорщик за словом в карман никогда не лазил. У него на языке на всякое солдатское словечко вертелось три.

– Меня не волнует. Подрывайтесь, сыны!

Кто-то начал медленно и нехотя опускать ноги и шарить под кроватью, разыскивая тапки. Валетов ничего не слышал, но старания лучика даром не прошли. Неожиданно сквозь сон ему показалось, будто кто-то лазит у него в носу. Рука сама потянулась к лицу. Невольно он вынырнул из-под покрова сладкого сна и прислушался к шорохам, что наполняли воздух вокруг него.

Резко открыв глаза, Фрол увидел, как его сослуживцы вяло копошатся, натягивая на себя форму. О нем никто и не вспомнил. Обычно дневальный орал так, что поднимал на ноги весь этаж. Неужели он проспал подъем?

– Сколько время? – пробурчал слоняра, свешиваясь с верхней койки.

Спящий под ним Простаков уже сидел на кровати, натягивая сапоги.

– Чего дрыхнешь? – рявкнул он и поднялся во весь свой рост, оказываясь выше горизонтально лежащего хлипкого Валетова аккурат на свою башку.

– Че ты, че ты? – Фрол повелся вставать. – Встаю, встаю. А сколько время? Ты че, сказать не можешь?

Алексей почесал лоб, затем зад, потом взглянул на руку.

– О, вспомнил, я же не ношу часы.

– Ну, ты тормоз.

Валетов сиганул вниз и успел схватить за руку выходящего уже в коридор Резинкина.

– Витек, время скажи.

– Чего тебе надо? Без десяти шесть. В шесть комбат придет. Прапор, видишь, уже тут крутится.

Фрол огляделся и никого не увидел.

– Где?

– Да заколебал ты.

Особо никто не торопил, и взвод химзащиты медленно выползал в коридор, расклеивая глаза и прочищая пальцами уши, чтобы хорошо видеть и слышать командира батальона. На кой черт ему понадобились в шесть утра химики, никто не знал.

От деда Петра Забейко – высокого черноволосого и черноглазого парня с хохляцкими корнями, поднявшегося после ухода Кирпичева и Агапова, – делегатом к прапорщику в каптерку был заслан Петрушевский. После непродолжительного разговора ефрейтор возвратился и доложил валяющемуся в койке деду о неведении товарища прапорщика касаясь замыслов ихнего местного бога товарища комбата Стойлохрякова.

Подразделение медленно строилось на взлетке, почесываясь и посапывая. Многие успели уже дойти до сортира и вернуться обратно и теперь стояли в ожидании. Евздрихин, пощипывая свои пышные усы, уже стоял перед строем и придирчиво оглядывал личный состав.

– Где Забейко с Казаряном? – спросил он у сержанта Батракова.

Дядя Женя оглядел строй, убедился в том, что прапорщик прав, и заглянул в кубрик. Оба деда как ни в чем не бывало лежали в своих люлях и вяло позевывали.

– Вы че, мужики? – сержант не собирался заставлять дедов подниматься, но все же напомнил о визите комбата, так как за его спиной стоял прапорщик.

– Пошел ты... – буркнул Казарян.

– Пошел ты... – эхом повторил Забейко.

Койки под обоими скрипнули, что должно было означать конец разговора.

В шесть ноль одну здоровенный подполковник ввалился на первый этаж казармы и вначале с удовольствием оглядел строй, затем, не увидев дедов, нахмурился.

– А где эти двое? – первым же делом спросил комбат.

Личный состав своего батальона он знал очень хорошо, а таких персонажей, как Казарян и Забейко, он желал наблюдать при каждом построении, ревниво наблюдая за тем, чтобы двое военнослужащих были на месте.

Прапорщик Евздрихин несмело подошел к огромной двухметровой туше и прошептал чуть слышно:

– Оба лежат.

– Какой ты после этого прапорщик, а? – тоже тихо, так, чтобы стоящие в строю солдаты не слышали, ответил подполковник и сам прошел в кубрик.

Двое дедов стояли навтыяжку рядом со своими койками, одетые по всей форме и застегнутые на все положенные пуговички.

– Почему не в коридоре?

– А мы так поняли, что построение тут, – пробасил черный от загара Казарян.

– Не тут, а там. На выход.

Комбат протопал обратно, а солдаты покорно вышли из кубрика и заняли свое место в строю.

Батраков часто заморгал, не понимая, как за несколько секунд можно одеться. Ведь они только что лежали пластом и, казалось бы, не собирались подрываться сегодня вообще.

У Стойлохрякова была отчаянная сухость во рту после вчерашних посиделок с главой района Шпындрюком. Протопоп Архипович вчерась был в прекрасном настроении, много пил, много ел и перемежал салатки пошлыми анекдотами под тупое хихиканье своей супруги.

Подполковник все это терпеливо переносил, тем более что жрачка и выпивка у Шпындрюка никогда плохой не была. А вчера глава местной администрации праздновал осуждение одного очень наглого рэкетира, с которым ему невольно приходилось делить полномочия в управлении райцентром Чернодырье. Теперь его власть на вверенной ему территории становилась абсолютной. Больше мешать ему царствовать здесь не мог никто. Авторитетов не осталось. Радуюсь такому значительному в его жизни событию, Протопоп Архипович не жалел ни водки, ни закуски.

= Глава администрации не был бы самим собою, если бы пригласил подполковника только для того, чтобы выразить ему благодарность за участие личного состава батальона в задержании того самого рэкетира. Он уже придумал новую задачу. Точнее, придумал он ее давно, а сейчас наступила пора осуществить желаемое. Кроме конюшни, где Шпындрюк держал пятнадцать лошадей, теперь он решил обзавестись еще и свинарником. Строительство данного объекта было начато местными алкашами, но, к сожалению, застопорилось после того, как вскрылись факты вопиющего воровства стройматериалов. Если нанимать нормальных мужиков, то это дорого. Поэтому, не жалея водки, маленький и лысенький Протопоп наполнял раз за разом стопку огромного комбата, разводя бодягу вокруг своей идейки по воспроизводству высококлассных свиней.

– Начнем с того, что выпишем производителя и матку хорошую. Дело пойдет на сто один процент.

– Так у вас же вроде бы есть свинарник? – не понимал комбат.

– Есть-то есть, – соглашался Шпындрюк. – Но то ж кооперативное, а это мое будет. Хочу развести, понимаешь, чтобы под Новый год там, на день рождения, юбилейчик какой всегда свои поросята были. Ведь ты не поверишь, я, хозяин всего района, вынужден каждый раз посылать человека и объяснять каждому встречному-поперечному, зачем мне этот поросяенок нужен.

– Неужели так не принесут?

Комбат засунул в рот блин с черной икрой.

– Принести-то принесут, но ты понимаешь, как обидно – все время я в попрошайках, – мягкие холеные ручки переплели пальчики на животе. – Вроде как и положено. Не по закону, конечно, положено, а так, понимаешь, по старым русским традициям, и в то же время свербит меня. Вот есть у меня лошади. Сел я на эту лошадь и поехал. И никого не спрашиваю. Никому никаких ответов не держу. Все-таки свое, оно – свое. А когда тебе люди со всех углов несут, знаешь, – Шпындрюк хлопнул Петра Валериевича по мясистому плечу, – это не то.

– Ладно, – бурчал комбат. – Че надо-то? Ты уж не юли, говори.

– Да выделил бы солдатиков, а то как-то вот с алкашами-то этими сладу нет. Твои же все-таки молодые, чего им там? Пожрать? Пожрать я дам. Пусть тут живут. Угол есть.

– Где тут? – комбат часто заморгал. – Че, прямо в доме, что ли, поселишь?

– Смеешься. Я про свинарник говорю. Стены подняли под крышу в одном уголке. Пусть там и живут. Тряпки натянут – вот тебе и полупалатка-полудом. Не усмотрел. Ложить совсем не умеют, вместо того чтобы по периметру обвязывать, в одном месте навалили, сволочи. Как бы ломать не пришлось.

– А, – согласился подполковник. – Ты не забывай, что у них служба. А чего же за служба такая, если они у тебя тут в твоих хоромы (а у Шпындрюка был неплохой особнячок) будут за жиру-то беситься. Нет уж, пусть на воздухе. Ты когда собираешься свиней-то получать?

– Ой, да я уж выписал, – признался Протопоп Архипович. – Поэтому бы надо побыстрее.

– Ладно, ладно, – соглашался гость, не переставая поглощать водку и деликатесы.

Разглядывая сейчас своих подчиненных, комбат решал для себя задачу по выбору наиболее достойных для работ на свинарнике Шпындрюка. Будь он главой района, никогда бы никто и ни за что не заставил бы его еще и собственную скотину разводить. Ну, ладно, любовь к лошадям предположим, но свиньи-то, при том, что у кооператива, в который он входит, есть свинарник, есть свиньи у фермеров, так нет – он еще и свой собственный решил завести. Да еще каких-то там производителей выписал.

Хмурая брови, Стойлохряков стоял перед строем и разглядывал принадлежащий ему химзвод. В то время, как три роты батальона были призваны из-за своей большой численности решать более глобальные задачи по хозяйству, это небольшое подразделение оставалось у комбата всегда про запас на случай возникновения вот таких вот нестандартных просьб: свинарник

кому-нибудь построить или переехать кому-то надо, мебель перетащить, огород перекопать. Все эти дыры Петр Валериевич обычно затыкал химиками.

Для того чтобы обосновать выбор кандидатуры и отправку на работу, необходимо было родить какую-нибудь причину. Этого можно в принципе и не делать, но так мотивация будет более весомой. Именно сейчас Стойлохряков рылся в своей голове и искал ту самую причину. За что бы зацепиться? Морщины на его лбу становились все более глубокими, а решение не приходило.

Почему ему сегодня с утра еще хочется думать и быть демократическим лидером? Ведь он вполне может ткнуть пальцем в этого, этого, этого – и все. Люди пойдут выполнять поставленную задачу. Он уже выставил вверх указательный палец и, подойдя к Казаряну, наконец переставшему опрашивать свой китель, хотел было ткнуть пальцем ему в грудь и сказать, чтобы он самостоятельно отобрал пять человек для работы. Но тут комбат припомнил эпизод с воровством сантехники, которую они вместе с начальником штаба майором Холодцом выписывали из Самары для себя и офицерских семей в новый дом. Здесь без химиков не обошлось. Воровали не для себя – для туалета, который сам комбат приказал отремонтировать. Но воровство есть воровство. И необходимо после таких происшествий проводить воспитательную работу. Решение было принято.

– Так, – комбат подошел к самому здоровому солдату во взводе – Простакову. – Давай, Простаков. Затем, кто там еще был? Вот ты.

– Рядовой Резинкин, – отозвался Виктор на комбатовское «ты».

– И потом маленький у вас еще...

Петр Валериевич подошел к концу строя.

– Вот. Вот этот вот.

– Рядовой Валетов, – тут же отозвался Фрол.

– Это трое. И еще двоих.

Комбат подошел к двум дембелям, которые держались друг дружки на протяжении всей службы.

– Давай, Сизов, и ты, Ануфриев. Пойдете работничками вместе с вышеназванными. Итого пять человек. Петрушевский!

– Я!

– После завтрака машину «ГАЗ-66» к подъезду. Эти пятеро загружаются. Вместе с ними едет прапорщик Евздрихин. Он старший. Вопросы? Тихо. Хорошо, – без паузы произнес комбат и, напутствовав народ стандартным «далее по распоряжку», удалился с этажа.

Все выдохнули. Сегодня только понедельник, и долбаная служба не успела пронять Стойлохрякова. В четверг, пятницу он будет уже залетать на этаж и орать на каждого встречного-поперечного. А сейчас еще ничего, в хорошем расположении духа, можно сказать. Лично зашел, попросил дедушек выйти построиться. Не каждый день такое случается.

Сизов с Ануфриевым были из тех людей, что никогда не старались стать по-настоящему дембелями, какими их привыкла, во всяком случае, рисовать фантазия авторов журнальных и газетных статей. Они были нормальными пацанами, которые держались друг за друга, ни к кому не приставали, никогда не напрашивались на неприятности и по большей части блюли режим. Единственная особенность, о которой, естественно, все знали во взводе, была любовь двоих корешей к травке, «колесам» и прочей дряни.

Ануфриев на правах старшего (ему домой на три месяца раньше, чем Сизову) сразу после завтрака построил солдат в колонну по два и повел их к уже стоящей под парами «шишиге».

Наученный долгими годами службы, Петр Петрович Евздрихин никогда и никуда не торопился. Если ему говорили сделать сегодня, он делал завтра. Если говорили быть к девяти, он обычно появлялся на точке в половине десятого. Конечно, фильтровал, от кого приказы-то исходят. По большей части опаздывал – знал, что человек он в батальоне незаменимый. Пра-

порщики – это соль армии. А хорошие прапорщики – это уже перец. Не обрадовавшись тому, что солдаты очень быстро появились после завтрака перед машиной, Евздрихин поспешил пожуричь Ануфриева:

– Олег, куда торопишься? Домой? Все равно раньше августа не отпустят.

– Первого августа, – уточнил высохший от постоянного употребления наркотиков дембель.

– Какие вы все умные, молодые! Куда от вас деваться, не знаю, – пожаловался на судьбу Евздрихин. – Полезайте, едем на объект.

Фрол долго копошился, преодолевая задний борт, и наконец миновал препятствие. Оглянувшись, он с завистью увидел, как Простаков забирается в кузов одним непрерывным сложным движением и плюхается рядом.

– Тише, гора, – шутливо вздрогнул Фрол. – Ты сейчас меня раздавишь.

– Я осторожно, – пробубнил Алексей, поглядывая на старшего, на Ануфриева.

А тому было на все наплевать, потому как рядом с ним уже сидел желтушный черноволосый Сизов, и оба о чем-то шептались, не обращая внимания на отслуживших всего по паре месяцев солдат.

Машина тронулась, и народ, предчувствуя выгрузку за пределами территории части, а также тяжесть в желудках после манной каши, был морально готов к трудностям, которые неминуемо ожидали их. Солдат, как известно, на курорты не посылают.

В кузове им пришлось трястись недолго. Успели по сигаретке выкурить да побазарить чуток, как уже машина остановилась. Хлопнула дверь кабины. Откуда-то снизу раздался голос прапорщика:

– Вылезай!

Солдаты медленно, словно обьевшиися тюлени, стали вываливаться из кузова. Как оказалось, привезли их во двор, где недавно шло строительство какого-то хлева. Покосившись на здоровый двухэтажный дом, стоящий невдалеке, Простаков заметил:

– Добротная хижина, однако.

Евздрихин подскочил к нему:

– Это не хижина, чтобы вы все знали, это дом главы района. Поэтому постарайтесь обойтись без громких выступлений. Ведите себя нормально. Не подставляйте своего командира.

Ануфриев подошел к прапорщику и, глядя на него стеклянными, осоловелыми глазами, тихо произнес:

– Мы будем как мыши. Даже нет. Как земляные черви. Нас никто не услышит и не увидит.

Прапорщик скривился.

– Построились.

Когда отделение замерло перед ним, Петр Петрович проверил, на месте ли его усы, затем кивнул на начатую стройку:

– Вот объект. Будете дом свиньям строить.

– Это че? Сегодня на машине, а потом каждый раз топать, что ли, я буду? – Сизов, будучи воином мудрым, прекрасно понимал, что каждый праздник имеет свое начало и свой конец. Так вот, похоже, праздник продолжался лишь в то время, пока их сюда везли. Теперь придется напрягаться, а его желтушной худосочной натуре покой нужен.

Володя с Олегом нашли друг друга полтора года назад и все свои мысли направляли лишь на то, как бы раздобыть себе очередной косяк, а если повезет, то и зелье со шприцами, с одноразовыми, а то СПИД, знаете ли. Каждый наркоман должен стремиться к культуре ввода средств в организм.

– Мужики, вы только не нойте. Вам, считай, повезло, – начал разрисовывать ситуацию прапорщик. – Будете жить прямо здесь. Жрачку вам будут сюда носить не из столовой. Домашнее хавать будете. Только работайте.

– И за сколько надо закончить? – с интересом произнес Резинкин, прикидывая, сколько же им тут обломится балдеть: ведь спать не в казарме, есть домашнее и работать, считай, не из-под палки, а так, вполюхотку. В армии это счастье. Только бы не сильно нагружали и не много требовали.

Прапорщик почесал за одним ухом, потом за другим, пожал плечами:

– Сроков никто не знает. Пошли посмотрим, что там и как.

Вблизи строительная площадка выглядела внушительно: бетонный фундамент примерно шесть на двенадцать был уже залит, кое-где начата кладка красным кирпичом, но самое интересное, что в одном месте стены уже стояли на высоте двух с лишним метров, а в другом их класть и не начинали. Там, где возведенное сооружение было повыше, кинули несколько неструганых досок поперек, на это все положили кусок драного брезента, что, по замыслу Шпындрюка, было достаточно для молодых солдат. Лето в календаре. Не так и холодно.

Простаков с деловым видом осмотрел предназначавшийся для их обитания угол и нахмурился.

– Мы чего, товарищ прапорщик, тут будем?

Евздрихин скривился. Селить людей в таком месте – это уж даже не по-походному, куда хуже.

– И че, у нас и палатки не будет? – поддержал наступление товарища Резинкин.

– Мужики, – отступил Петр Петрович, – я не знаю. Мне сказали вас сюда отвезти. Вот кирпич, вон цемент, вон песок. Давайте ложите стены, а? Думаю, все же умеете ложить-то?

– Мы наложим, – утвердительно кивнул Ануфриев. – Сколько скажете, столько и наложим. А кто тут до нас работал?

– Не знаю, ребята, не знаю. Вы сидите пока, покурите, а через полчаса давайте начинайте тут движение, чтобы у нас никаких проблем не было. Глядишь, кто-нибудь к вам из хозяев подойдет, скажет, что надо там. Тыры-пыры. То да се. А я поеду, мне в парк машинный надо.

Евздрихин, подбежав к машине, прыгнул в нее, скомандовал ефрейтору Петрушевскому:

– Заводи! – и был рад-радешенек тому, что смотался с точки.

– Что-то мне здесь не по кайфу, – протянул Сизов, опускаясь на бревно.

Тут же с ним присел Ануфриев.

– А вы что смотрите, молодые? Я должен на бетонном полу спать сегодня? Давайте делайте кровати. Тряпку натяните как следует, чтобы сверху ничего не падало. Вон лопата есть. Все есть. Начинайте трудиться. Костер мне надо к вечеру. Или печку ищите какую-нибудь, я че, мерзнуть буду? – бубнил Ануфриев, погоняя.

Фрол не мог нарадоваться. Если бы на месте этого наркота сейчас был бы Казарян, то им пришлось бы здесь летать, как мухам. А этому, похоже, если не все равно, то на скорость выполнения своих поручений он смотрит через обколотое сознание.

С одной стороны, Резинкин был рад отвалить от деда Бори и от Петруся, вырваться наконец из машинного парка и заняться чем-нибудь другим, кроме железок. С другой – он был обижен на комбата. Ведь он все-таки механик-водитель, белая кость, голубая кровь, почти авиатор. Как можно было его взять и вот так вот послать на стройку? Комиссия уехала, машины проверила, все у комбата хорошо. Теперь ему водители не нужны стали. Теперь он посылает знающих людей какие-то сараи возводить.

Фрол встал рядом с Простаковым и, задрвав голову кверху, стал нахально улыбаться, глядя в широкое плоское лицо.

– Че замер, детина, – призывно завыл Валетов. – Вся надежда на тебя.

– Чего это я один, что ли, тут буду строить? – стал отбрыкиваться гулливер.

– Ну, ты смотри, какой здоровый! Ты должен такие сараи за одну ночь возводить. Как в сказке, – не унимался Валетов, начиная нарезать круги вокруг стодевяностодвухсантиметрового сибирского мужика.

– Одному несподручно, – уже менее настойчиво бубнил Алексей. – Тут работы много. У нас в деревне таких хлевов я что-то не припомню. Все мы больше из дерева делаем. А здесь вон кирпичный. Я ни разу-то кирпич и не клал. Все только с деревом, с бревнами.

Ануфриев оставил насиженное место на бревне.

– И че получается? Никто из нас ложить не умеет? Кто-нибудь имеет понятие о том, как раствор замешивать?

Солдаты стояли, глядя по сторонам. Кто смотрел на кучу песка, кто на цементные мешки, сложенные под навесом. Обычно бледный Ануфриев раскраснелся.

– Вы че, воины, до двадцати лет дожили, никто кирпич ложить не умеет? Основ кладки не знаете? И чего прикажете делать? Чтобы я вам тут рожал этот сарай, что ли?

Теперь уже все смотрели на Олега с интересом.

– Я че, вас учить должен? Нашему комбату даже в голову не пришло, что среди нас есть такие уроды, которые не знают, как раствор замешивать и кирпичи ложить.

Резинкин, в отличие от Простакова, жившего в деревне, и Валетова, призванного из города, в своем средней руки поселочке, напоминавшем Чернодырье, не раз помогал отцу возводить кирпичную стену то тут, то там, и с мастерком обращаться умел, и простенькую кладочку сделать. Знал, что такое отвес и уровень. Но сейчас благоразумно помалкивал и, как выясняется, делал это не напрасно.

У Ануфриева не выдержали нервы. Он признался сам себе, а по ходу и остальным, что владеет этим ремеслом.

– Уроды, – цедил Ануфриев, – просто уроды. Ты, здоровый, иди, вставай к ванне.

– Какой ванне? – не понял Леха, оглядываясь.

– Вон видишь корыто? Вначале давай его от остатков раствора отчищай. Лопату бери, хлюпик. Ты, водила, не лупай глазами. Давай, двигайся. Начинай носить кирпичи и расставляй их по пять штук через каждый метр. Сейчас цоколь заделаем. Надеюсь, е-мое, моя учеба вам пригодится. Домой приедете, сможете бабки зарабатывать. Давай, шевелись. Ты, мелкий, тоже не отставай, вместе с Резиной иди носи кирпичи. Время девять. До часу дня создаем видимость работы. Если нам пожрать не принесут, больше ничего делать не будем. Что-то я вообще не наблюдаю людей, готовых о нас, о несчастных, позаботиться.

Ануфриев огляделся, посмотрел на высокий забор, за которым скрывался двухэтажный дом, перевел взгляд на стоящие на почтительном расстоянии частные дома и отметил выбор места: до ближайших соседей от этого хлева не менее семидесяти метров. Иметь такой участок и не застроить его было бы глупо. Чем, похоже, сейчас и занялся этот глава района.

Олег подошел к продолжавшему сидеть на бревне Сизову.

– Поскольку мы здесь сами себе хозяева, может, смотаемся вечерочком по поселочку-то?

– Смотаемся, – согласился живо Володя. Его большие глаза блеснули, оба поняли друг друга без слов.

К двенадцати дня, с помощью нехороших слов и тумачков, Олег Ануфриев добился от своих подчиненных немалых успехов. Он не только показал, как правильно класть кирпичи, но и успел вместе со своими сослуживцами положить пару десятков штук на свое место. При этом он не упускал возможности покритиковать предыдущих участников строительства и отзывался о них весьма нелестно. По его высказываниям выходило, что данную работу делали люди безрукие и безголовые.

Действительно, когда на одну из стен Простаков, по совету своего нового учителя, посмотрел со стороны, то он увидел, что кладка то уходит внутрь, то выдвигается наружу.

– Ничего, ломать-то, надеюсь, не заставят. К тому же это не мы делали, – с надеждой говорил Олег, касаясь пальцами выпуклого участка стены.

* * *

В двенадцать ноль три дембель скомандовал народу: «Садись, кури», пообещав всем, что никто ничего делать не будет до тех пор, пока к ним сюда хоть одна живая душа не выйдет и не посулит сытного обеда. Кроме того, неплохо было бы обзавестись еще одним куском брезента и печкой, иначе ночью им придется невесело, несмотря на предусмотрительно прихваченные с собою фуфайки.

Не успели как следует расположиться, вытянуть ноги и расслабиться, как открылась небольшая калитка в высоком зеленом заборе и со стороны двухэтажного дома на стройплощадку вышел мужичок в синей спортивной куртке. Он быстро приближался к солдатам, импульсивно размахивая руками. Когда он приблизился, временно не служащие смогли рассмотреть его физиономию. Маленькие глазки под жиденькими бровями, небольшой острый нос, загнутый к верхней тонкой губе, маленькие, чуть торчащие в стороны ушки, четко очерченные скулы.

«Такие вряд ли нравятся женщинам, – тут же мелькнула мысль у Резинкина. – Какой-то он весь плюгавенький, жиденький».

Но, вопреки ожиданиям, плюгавенький и жиденький оказался горазд на то, чтобы поорать.

– Чего расселись? До обеда еще час. Давайте строить дальше, а то скоро свиней привезут. Куда их? Протопоп Архипович к себе в спальню поведет?

– Протопоп – это кто – поп? – спросил, улыбаясь, Ануфриев.

– Нет, дорогой мой. Протопоп Архипович – это глава района, – произнес жиденький человечек. – Давайте, давайте.

– А что, в час обед будет? – не поверил Сизов.

– Будет, будет. Я, Михал Афанасьич, буду вас тут изредка патронировать. На случай, если вы совсем разленитесь. Надо отрабатывать жрачку-то.

– Так мы ее еще пока не видели, – Ануфриев сплюнул в сторону и уже серьезно посмотрел на Афанасьича.

– И за сколько, дядя, ты хочешь, чтобы мы тебе этот хлев сваяли? – развязно обратился Сизов, чем привел мужичка в бешенство.

– Ты, послушай, ты. Ты так со мной не разговаривай. Я, можно сказать, завхоз у Шпындрюка. Я тебе мозги-то быстро вправлю. Экий нашелся. Давай работай, нечего сидеть.

– Аллергия у меня, – простонал Сизов.

– Какая аллергия? – выкрикнул пришелец.

«Что-то быстро он взбесился, – подумал Простаков. – Вроде мужичок-то еще не старый, а уже так беленится».

– Аллергия у меня на работу, товарищ завхоз, – чуть бодрее ответил Вова и пожелтел еще больше против обычного, ожидая, видимо, резкого ответа.

– Ничего, я тебя вылечу, – заверил Михаил Афанасьевич, – малыми дозами. Сегодня немножко, завтра немножко...

– Так я немножко уже отработал.

– Молчи. Твое немножко – не мое немножко. В час дня я пару кастрюль принесу.

– Нам бы печку-буржуйку. А то как мы тут спать-то будем?

– Чего? Какую печку? – Маленькие глазки вперились в Простакова. – Зачем тебе печка, лето на дворе. Досок вон наберете, напилите и спите. Это вам не в части. Здесь можно и до

семи, и до восьми поспать. Только в восемь у нас, а точнее, у вас, рабочий день начинается. Это вы на завтра себе учтите. Нечего сидеть, вас сюда работать прислали.

Развернувшись, мужик пошел прочь и вскоре скрылся за забором. На его появление реакция была весьма сдержанная: трое из пяти его просто послали, а двое назвали мудаком. На этом все и закончилось. Перекур продолжался еще двадцать пять минут, а затем люди стали медленно и плавно шевелиться, делая вид, что работают. Обед был на носу, и уже никому не хотелось ковыряться.

Пища обещана была домашняя. Если это так, то, может быть, они еще и после обеда поковыряются, несмотря на аллергию Сизова.

В половине второго рейтинг завхоза Шпындрюка резко пошел вверх, так как он прислал не две кастрюли, а целых три, да еще и пакет. В одной было первое – наваристые щи. На второе предлагалось не что-нибудь, а картошка с нормальными, щедрой рукой нарезанными ломтями свинины. На третье – чай с сахаром. И также предлагался белый и черный хлеб на выбор.

Строители с благодарностью встретили появление завхоза в два часа, когда он пришел забрать посуду, которую предварительно, по указанию Ануфриева, пришлось помыть Валетову.

Взглянув на чистые кастрюли, завхоз довольно хмыкнул и сообщил удивительное:

– Больше посуду мыть не надо, ваше дело строить.

Солдаты переглянулись.

– Так-так. Джентльмен с возу – товарищам полегче.

Вечером, абсолютно неожиданно, снова нагрязнул Евздрихин. Бросив взгляд на проделанную работу, не удержался и похвалил, сказав, что молодцы, он обязательно доложит комбату о том, как продвигаются дела. Привез каждому еще по одной фуфайке, большой рулон нового брезента, одеяла и, что самое удивительное, буржуйку. Простаков припомнил, что именно эти вещи заказывали завхозу они сами всего-навсего в обед. Выходит, не простой этот мужик – Михаил Афанасьевич.

Когда уже стемнело и народ обустроился между двумя стенами под навесом, жиденский мужичонка приплелся снова. Внимательно осмотрел помещение, где обустроились солдаты, и поинтересовался, не надо ли еще чего.

Ануфриев быстро сориентировался:

– Неплохо было бы, кроме этой работы, еще какой-нибудь калым.

– Подкинут вам немного, успокойтесь, – буркнул Афанасьевич, – все служили, не только вы одни.

– А за что прежних-то отсюда поперли? – Сизов уже лежал на настеленных досках, положив одну фуфайку под голову.

Печка без дела не стояла, и в завешенном брезентом пространстве было тепло так, что накрываться больше не требовалось.

– Прежних? – Афанасьевич достал сигареты. У него их тут же стрельнули. – Работали тут мужички, из местных. Да слишком водку любят. Потом доски привезли. Видели, вон лежат во дворе. – Доски видели все, поскольку из этой же кучи и крышу получше себе сделали, и на пол постелили. Да и лежаки устроили. – Так вот, эта кучка была раз в десять больше. В одну прекрасную ночь эти выродки взяли и кому-то продали эти доски за бесценник, а сами перепились. Вот после этого Протопоп Архипович их и попросил отсюда, а еще и ни копейки денег не дал.

– Воровать отсюда проще простого, – согласился Сизов. – Че забор-то не поставили? Дорога под носом, подъезд хороший. Вы чего же тут, свиней будете держать, а забора не будет, что ли? Так у вас и свиней будут воровать.

– Не, забор тоже поставим. Обязательно. Это же Протопопа Архиповича участочек-то. Уж он-то средства найдет на то, чтобы здесь все обустроить.

– Да, ни фиги себе у него пространство будет. – Фрол даже вышел на улицу и вернулся, обозрев окрестности. – Прикольно вашему барину будет. Тут простор большой.

– Да, может, еще и курей заведет. Черт его знает. Ну да ладно, не наше это с вами дело – рассуждать о том, кто что желает. Если бы у меня были такие деньги, я черт его знает, на че бы их тратил. А этому вот свинарник подавай. Да не простой, а шесть на двенадцать, с бетонным полом, стенами в кирпич, с отоплением, светом. Свиньи будут жить не хуже людей. Сюда еще, не удивляйтесь, канализацию проведут, чтоб ихнее, извините, говно смывать. Это уже себе не каждый может позволить.

Поздним вечером ни у кого не было сил базарить. Все разлеглись на лежаках, быстренько позакрывали глаза и дали храпу. На свежем-то воздухе, а ужин не уступал по сытности обеду, все быстренько заснули.

* * *

Первым на следующее утро поднялся Простаков и вышел на улицу. Отливая на отдельно стоящее дерево, он крутил головой по сторонам, любуясь утренним пейзажем. В соседских домах уже начали дымить трубы, горланили петухи, изредка доносился лай собак. Сделав дело, Простаков повернулся и потопал обратно к их импровизированному жилищу и невольно бросил взгляд на кучу с кирпичами, решив прикинуть, сколько же они за вчерашний день сделали.

Вначале он не поверил своим глазам, припоминая ту гору красного кирпича, которая тут была навалена. Теперь же явно не хватало чуть ли не половины. Как они могли столько сделать за вчерашний день, он не мог себе представить. Подумав, что поработали не хило, Леха пошел на свое место и завалился спать дальше. Благо никто ему тут в ухо «подъем» не орал и строиться не заставлял.

Провалялись до половины восьмого, пока во дворе не раздался визг Михаила Афанасьевича.

– Уроды! Сволочи! Какие сволочи! – орал он на весь двор.

Взлетел к ним в палатку и закричал:

– Спите, уроды!

– А че такое? Че такое? – солдаты начали копошиться и подниматься.

– Че случилось! Че случилось! – орал завхоз, тараша малюсенькие глазенки. – У нас половину кирпича сперли! Эй, признавайтесь, кому продали? Поди, ужрались водки. Ну-ка, здоровый, дыхни.

Завхоз подлетел к Простакову, сидящему на низеньком лежаке, схватил его за грудки и потянул вверх. Лехе ничего не оставалось делать, как подняться. Он и поднялся, при этом перехватив завхоза за грудки и отрывая его от пола.

– Дядя, ты меня больше так не дергай.

Поболтав ножками в воздухе, Михаил Афанасьевич немножко поостыл и, когда его поставили на место, медленно произнес:

– Прошу прощения.

Сибиряк принял извинения, ответив также корректной фразой: «Ничего страшного», и приготовился выслушивать необоснованные претензии далее.

– Если вы не пьяные и кирпич вы не продавали, то как вы могли так спать, чтобы не услышать, как его отсюда тащат?

Ануфриев, а за ним все остальные вышли на улицу. Действительно, кирпича поубавилось.

– Я ранним утром писать выходил, – сообщил Леха, – их уже было столько, сколько сейчас. Я думал, что мы столько за вчерашний день выработали.

Ануфриев тут же подошел к гиганту и постучал своим кулаком ему по лбу.

– Дубина, если бы мы за день делали по три тысячи штук, то ты бы уже был давно богатым человеком, зарабатывая деньги где-нибудь на стройках. Мы же вчера положили всего-навсего сто пятьдесят. Вашими кривыми руками больше не получается за один день. Но это мы поправим, – тут же обратился он к Михаилу Афанасьевичу, – если такая жарка, то все будет нормально.

– Как хотите, давайте оставляйте одного сторожа. Я думаю, вам сегодня еще подвезут стройматериал. Но теперь смотрите: если что-нибудь уйдет – то пожалуюсь вашему комбату, пусть он вас наказывает. Деньги с вас там вычитает.

– Да че нам платят-то? Пусть хоть все заберет, – Валетов сплюнул сквозь зубы. – Че там за деньги-то такие, солдатские?

Завхоз подошел к самому маленькому из пятерки:

– Ты больно умный. Работаешь, наверное, меньше всех. Ешь больше всех.

– Он хорошо кушает, – подтвердил Простаков, – почти как я.

– Вот и я о том же. – Завхоз зло озирался вокруг: хорошо еще, что никто не видит всего этого позора.

Он не мог перенести, что со стройки своровали вначале доски, а затем и кирпич. Подозревать солдат – он подозревал, но никаких доказательств их вины у него не было. С другой стороны, как они могли так быстро найти сбыт? Они же вообще даже не знали, куда их повезут и зачем.

– В общем, мужики, не обижайтесь: еще раз отсюда что-нибудь пропадет – будете наказаны. На сегодня-то уж вам точно материалов хватит, а к вечеру будет еще. Давайте умывайтесь.

Резинкин с ведрами пошел к старому колодцу, из которого брали воду и для собственных нужд, и для стройки, с хорошим настроением и голубой мечтой о сытном завтраке. Только вот работать не очень-то хотелось.

– Если еще и денек жаркий будет, будем обливаться потом, – тут же спрогнозировал он. – Стремно.

Привезенного Евздрихиным брезента хватило и даже было с избытком, но кирпичные стены куда лучше брезентовых. Поэтому с утра решено было несколько сгладить то безобразие, которое учинили здесь работавшие до солдат алкаши.

Под четким руководством Ануфриева началось усовершенствование их жилища.

Дело в том, что жить в углу, где у тебя одна стена кирпичная и другая стена кирпичная, а третьей и четвертой нет вовсе и их заменяет брезентовый полог, – не очень здорово. После завтрака – гречка с молоком – начали строить короткую шестиметровую стену. Клали толщину в один кирпич.

Ануфриев продолжал изредка материть и пинать то Резинкина, то Валетова. Простакова он не пинал – боялся, только словами обходился, тем более что гигант старался и у них всегда было необходимое количество раствора нужной консистенции. Дело шло ни шатко ни валко. Тем не менее народ приноровился, и Ануфриев уже с удовлетворением отмечал, что можно оторвать глаза от работающего коллеги, сесть в тенечке – солнышко уже вышло и начало жарить, – спокойно покурить, попить водички и вернуться к обязанностям надсмотрщика. Он сам себе придумал такую работу и сейчас ею был доволен.

– Вы, – говорил он, сидя под стеною, – должны быть мне благодарны, вы приобретете еще одну профессию, а кроме того, в эти дни будете лопать хорошо, почти как у мамки дома. Так что старайтесь, но старайтесь медленно. Я хочу здесь досидеть до своего дембеля. Валетов, когда мне домой?

– Первого августа, уважаемый дедушка.

– Вот так вот, молодые, – оскалился Ануфриев. – Вова, хорош там с кирпичами возиться, иди сюда, посидим, покурим, у меня к тебе дело.

Какое там дело у одного наркота к другому, можно и не пояснять. Пройдет еще два-три дня, и ребяток начнет здорово ломать. После этого вряд ли кто-нибудь даст гарантию, что бойцы, которых отрядили на работы по возведению сарая для элитных свиней Шпындрюка, не учудят чего-нибудь нехорошего и не лишатся своей пусть тяжелой, но сытной доли.

За день была проделана колоссальная, по сравнению со вчерашним приступом трудолюбия, работа. Утром стены еще не было как таковой, а к вечеру было уложено аж пять рядков.

Завхоз радовал работников хорошей едой. Единственное, на что он сетовал, так это на отсутствие отхожего места. Солдатам приходилось бегать за дорогу в кусты, а с этим Михаил Афанасьевич мириться не мог. И вечером он предложил в среду заняться постройкой какого-нибудь примитивного сортира. На что ему возразили, упомянув о сроках и о необходимости успеть до того момента, как к Шпындрюку привезут свиноматку и борова.

– Ну ладно, – махнул рукой завхоз, – как хотите, можете посадки удобрять, только далеко топать каждый раз.

Простаков ковырялся палочкой в углях буржуйки:

– Мы каждый раз и не ходим далеко-то. Тут и так травка есть, которая подкормки просит.

Трое молодых разбили ночь по три часа на каждого. Им предстояло теперь дежурить и охранять стройматериалы, которых еще было достаточно. Кроме мешков с цементом, досок и кирпича, местных любителей дармовщинки могла привлечь и большая куча речного песка, предназначенного для изготовления раствора под кладку. И терять хотя бы частичку из этой кучи завхоз не хотел. Ему хватало и прежних двух случаев воровства. Он даже выдал от своих щедрот мощный фонарь на тот случай, если дежурившему потребуется разглядеть что-нибудь в темноте.

* * *

Фрол дежурил последним, под утро. Он сидел, зевая, на бревне. Потом стал ходить по полянке перед хлевом туда-сюда, дабы разогнать сон. Солнце уже взошло, но было еще прохладно. И его до такой степени клонило ко сну, что он пощипывал себя за щеки и время от времени подходил к ведру, которое набрал от нечего делать, и умывался. Не было еще и семи, а с дороги к ним совершенно неожиданно свернул небольшой грузовичок и остановился рядом с хлевом.

Валетов вытаращил глаза и, даже не стремясь расспрашивать, в чем, собственно, дело, кинулся под брезентовый полог, где растолкал Простакова.

– Леха, там какой-то мужик.

Леха понял, что Фрол сдрейфил, и, напустив на себя суровый вид, вышел на улицу. Водила выпрыгнул из «Газели» и стоял, позевывая.

– Ну, что вы смотрите? Давайте, помогайте мне животину сводить. Мне сказали, что здесь будут ждать.

– Чего ждать? – не понял Простаков. – Какую животину?

Фрол толкнул его в бок:

– Да это, наверное, свинью привезли.

– Свинью? Да где ж ее селить? Вы что, – громко обратился он к водиле, – свинью нам привезли, что ли?

– Да, подложить вот хочу, – усмехался водитель, – идите, гляньте в кузов.

Четвероногое чудовище стояло, повернувшись к солдатам маленьким крючковатым хвостом.

– Вот это ни фигя себе, – разглядывая невероятной величины достоинства, произнес Валетов.

– Да, здоровые, – согласился Простаков. – И че, как же мы будем его сводить?

– Не знаю, – развел руками водитель, снял кепку, запустил две пятерни в голову и взлохматил волосы. – Я сегодня с трех часов на ногах, хлопцы, давайте чего-нибудь придумывайте. У вас есть где водички попить?

– Есть, есть, – отозвался Фрол, – вон ведро, чистая вода, колодезная. Вон чашечка стоит.

Мужик пошел утолять жажду, а Валетов с Простаковым смотрели то друг на друга, то на огромный зад хряка, еще плохо себе представляя размеры этого животного. Но уже по тому, что они видели, можно было сделать вывод, что для Шпындрюка расстарались и действительно достали производителя, что называется, с большой буквы.

На шум из-за брезента показались остальные. Народ подходил к кузову, разлепляя руками глаза. Каждый, подходя к грузовичку, не мог сдержать эмоций.

– Прикидывай, Фрол, у тебя такие штуки между ног болтаются. – Ануфриев сильно хлопнул Валетова по спине и заржал.

Видать, шум не понравился этой огромной туше, и тело хряка всколыхнулось. Послышалось полухрюканье-полурыканье.

– О! – отшатнулся Резинкин. – Вот это да! Как же мы его держать-то будем? Куда же мы его денем-то?

Простаков сбросил фуфайку и стал закатывать рукава кителя.

– Вы че, хряка никогда не видели? – презрительно бросил он. – Скотина, она и есть скотина. Здоровая, да тупая.

– Прямо как ты. Родственника нашел, – тут же решил подначить Сизов, – вы с ним похожи. Два тупых, здоровых хряка.

– Заткнись, – насупился Простаков и сделал шаг навстречу грубияну.

– Но-но, гора, потише, – дед тут же шуганулся, прекрасно зная, что Леша не признает авторитетов.

– Надо доски положить, чтобы его свести, – Резинкин вспомнил, как на гражданке сводили коров с машины, когда привозили их на бойню.

– Вот ты и иди за досками, – скомандовал Ануфриев.

– погодите, – Простаков покрутил у виска, – вы че, сведем его, и куда дальше? Для начала надо определиться, где содержать.

Свин, услышав подобные речи, довольно захрюкал.

– Вот и я говорю, – поддакивал Леха.

Вернулся водитель, успевший утолить жажду.

– Ну че, пацаны, долго будете держать меня?

– Сейчас все сделаем, – успокоил его Ануфриев.

Желтушный Сизов приблизился к животному на опасное расстояние, проще говоря, сунул нос в кузов. Немедленно огромное тело стало колыхаться, и дед отпрянул.

– Вот это скотина!

– Эта скотина немалых бабок стоит, так что поосторожней.

– Сколько же он весит? – задался вопросом Резинкин, стараясь разглядеть морду производителя, но так ничего и не увидел. Она скрывалась где-то в темноте и пока оставалась загадкой для всех, кроме водителя.

– Весит он больше тонны, это точно, – тут же выдал справку приезжий.

– Че встали? – забасил Ануфриев. – Бегом за досками!

Вскоре импровизированный мостик был сделан, и все остановились в нерешительности. Как же выводить его?

– Все фигня, – хмыкнул Простаков и забрался в кузов.

Он не обращал никакого внимания на переступания и подрагивания огромной туши и как ни в чем не бывало стал лупить свина ладонью по боку, побуждая повернуться. О чудо!

Животное начало медленно разворачиваться мордой на выход. Леха не понял, что случилось с окружившими машину солдатами. Они отпрянули от автомобиля на пару метров.

– Вот это терминатор! – воскликнул Сизов, разглядывая рыло весом пудов в десять.

На него смотрели маленькие, тупые глазки, в которых нельзя было прочесть ничего. Пустота. Полное безразличие. Он смотрел на Сизова, как на еду. Тут еще Валетов подошел.

– Знаешь, Володя, – обратился он к желтушному дедушке, – свиньи, они ведь людей едят.

Им все равно. Че им накрошишь, то и будут есть.

Свин, казалось, принял какое-то решение, но людям оно оставалось пока неизвестно.

Простаков хлопнул пару раз животину по заду и напутствовал его словами:

– Ну давай, двигай.

Ничего подобного. Десятицентнеровая махина стояла неподвижно.

– Ну давай, давай, – попытался сдвинуть с места Простаков хрюшку.

– Ни фига он не идет! – крикнул Валетов, продолжая издеваться над замороженным Сизовым. – Смотри, какая у него пасть. Он тебе берцовую кость перемелет за три секунды. Ногу отгрызет. Ты для него еда.

Вова сплюнул:

– Заткнись ты, мелкий. Давайте вытаскивайте его. Берите за уши и тащите.

Резинкин попятился:

– Нет, это ты сам иди.

Водила, стоявший и смотревший на пререкания солдат, не выдержал:

– Мужики, да освободите вы мне кузов, в конце концов. Мне надо возвращаться.

На шум подошел Михал Афанасьич. Это было несколько неожиданно, поскольку до завтрака еще оставалось время.

– Его привезли? – Он поздоровался с водителем.

– Да, вот привез, да.

– Ждали вас только через неделю.

– Ну и че, обратно уехать? – раздраженно спросил водила.

Завхоз его остановил:

– Ну нет, нет, не надо куда. Давайте, ребята, выводите его.

– Не идет, – пожаловался из глубины кузова Простаков.

– Хорош, красавец, – восхищался темно-коричневым хряком Михаил Афанасьевич. –

Вот он нам хрюшек понаделает. Да, мужики? Будем первосортную свинину лопать.

Валетов пробубнил:

– Кто полопает, а кто посмотрит.

– Ну а ты как думал, – Афанасьич усмехнулся. – Лопать будет известно кто – тот, кто денежку за него платил.

Простаков снова хлопнул хряка по заду. Но он, казалось, не желал расставаться с полюбившимся ему кузовом.

Валетов подошел к завхозу:

– Михаил Афанасьевич, может быть, у вас чего-нибудь есть, че они там любят? Морковь там, капусту ли?

– Они все едят. – Завхоз призадумался, затем пообещал вернуться через пять минут.

Он пришел с несколькими морковками, весьма неплохо сохранившимися с прошлого урожая. Поводив перед носом у хряка овощем, бросил морковку на доску.

Хряк потянулся немного вперед, но затем снова остановился.

– Не голоден, – разочарованно произнес Валетов, подобрал эту морковь и подошел близко к свинье.

Положил ее перед самым носом. Хряк довольно рыкнул, нагнулся и слямзил кусочек. Процесс пошел. Валетов попросил еще морковку и положил ее немного впереди. Животина

невольно сделала шаг и наступила одним копытом на доску. Простаков стоял сзади, не дыша, наблюдая, как маленький, но, зараза ж, какой умный Валетов справлялся с этой огромной тушей.

Кабан без посторонней помощи спустился по длинным пологим доскам, а по пути сожрал все морковки, которые принес из погреба завхоз.

– Ну все, – Ануфриев шутя обнял Валетова. – Теперь эта скотина твоя до конца дней своих.

– Давайте, мужики, давайте, – суетился завхоз. – Надо ему загончик организовать побыстренькому. Я кой-какой еды принесу. Там с кухни помоев возьму, че у нас там осталось. Кашку возьму, все возьму. А вы давайте, давайте. Он никуда не пойдет, спокойно стоять будет. Вы его хворостинкой в случае чего погоняйте. Найдите хворостинку какую-нибудь.

Завхоз засуетился, поблагодарил водителя, сунул ему в карман полтинничек и побежал на кухню, крича на ходу:

– Если животинка будет сыта, она от нас никуда не уйдет. Давайте, давайте. Ночи сейчас холодные, ребятки, – кричал он, все удаляясь. – Придется вам вместе с ним баинькать.

– Как нам тут всем весело, – сморщился высохший дембель, приглаживая русые волосы. – Вот два года я служил. Дослужился до того, что теперь со свиньями спать буду. А, Резина, почему я теперь должен спать со свиньей? Я не хочу спать со свиньей. Со свиньей ты будешь спать. Мне не положено, – возмутился и бухтел Ануфриев. – Может быть, этот завхоз решит, что он нас трахать должен? Придурки, блин. Уроды. Че встали? Нечего на меня смотреть. Давайте, делайте загон этой скотине.

Доски быстро откидали от кузова. Водитель запрыгнул в свою «Газель» и был таков. Теперь о приезде неожиданного гостя напоминала лишь здоровая туша, которая не захотела вообще никуда ходить и повалилась на молодую траву.

– Вот это у нас ребеночек. – Простаков прохаживался вокруг хряка, не обращавшего на него никакого внимания.

– Это не ребеночек, – поправил его Сизов, – это наш Терминатор. Смотри, какая туша, какая мощь. Вот его бы выдрессировать. Валетов, иди сюда.

Валетов и так никуда не уходил.

– Слабо скотину приручить? Вот с морковкой у тебя получилось, давай дальше двигай.

* * *

Наступила вторая ночь, которую строители проводили под открытым небом. Фрол сидел на воздухе и разговаривал с хряком, который не мог слышать его. Здорового хряка определили на территории, отгороженной под жилье. Таким образом свин оказался в команде солдат-строителей. Ему отвели угол, отгородили его досками. И теперь из-за придурковатого Михаила Афанасьевича, не согласившегося, чтобы хряк стоял на улице: мол, замерзнет он ночью, – они должны были слушать посапывания, похрюкивания, что, в общем-то, мелочи по сравнению с тем, когда эта животина пускала ветры и, извините, гадила. Веселого мало.

Думая обо всем этом, Фрол смотрел на полный диск луны и шевелил губами:

– Ну вот, дружок, привезли тебя. Какой ты здоровый. И все бы хорошо, если б ты не гадил столько, а то ведь убирать-то мне приходится, все я за тобой. Может, и прав Сизов, возьму вот над тобою шефство. Буду тебя дрессировать, че делать-то еще, к тебе я приставлен. Теперь, по уговору, остальные работают, а я с тобой. Еду тебе ношу, убираю из-под тебя. Глядишь, и ты мне какое-нибудь удовольствие доставишь, а не только я тебе.

Фрол продолжал бормотать себе под нос, сидя в полной темноте и время от времени внимательно прислушиваясь к шорохам ночи. Охрану стройматериалов никто не отменял. Но теперь вместо одной ночной вахты он нес две, так как строительство его больше не касалось,

а остальные уставали, по их словам, больше. А он не устает, да? Он вот должен теперь еще и полночи сидеть. Ануфриев издевается, сволочь, говорит, что со свиньей в обнимку теперь он поспать может. Эка сволочь.

Валетов вспоминал свою жизнь на гражданке. Как было здорово. Крутился, торговал. Что-то там начинал понимать в маркетинге – это кого когда лучше накалывать на бабки. Жил!
– А здесь я кто? – Фрол тяжело вздохнул.

На свежем воздухе сейчас лучше. Как они спят в этой вони? Тут он невольно подумал, что скоро привыкнет к запаху хряка и не будет ощущать того, как он воняет. Все дело привычки. Вскрикнула где-то вдалеке птица.

Фрол вздрогнул. Запахнул поплотнее фуфайку и посмотрел по сторонам. Нет никого, тихо.

– Завтра будет день, завтра я займусь этим Терминатором.

Как и следовало ожидать, Михаилу Афанасьевичу надоело таскать еду солдатам. И поскольку Фролу приходилось каждое утро с двумя ведрами отправляться на кухню в дом Шпындрюка за отходами, ему еще и навязали, чтобы он таскал вначале для солдат, а потом уж и для хряка. Делать нечего. В принципе у него все равно меньше работы, чем у остальных.

* * *

Утром после завтрака Валетов, пользуясь хворостинкой, действительно выгнал здорового хряка на воздух и задремал на солнышке. Вид расслабившегося солдата, второго после самого дембеля Ануфриева, бесил деда Сизова. Но он ничего сделать не мог, поскольку раз уж договорились, то договорились, тем более свой балдеж Фрол окупал тем, что выносил из-под свина.

Свое обещание насчет того, что стройка Валетова больше не касается, Ануфриев сдержал, но только до обеда. После обеда, видя, что свин никуда не уходит и спокойно стоит на одном месте или валяется в придорожной пыли, Ануфриев зарядил Фролу очередной наряд:

– Че кайф ловишь? Нечего сидеть, давай нам стол делай, что мы жрем все с полу, как нелюди? Чтобы к вечеру я ужинал за нормальным столом. Инструменты хватай, материалов – до хрена. Давай работай.

Покорно выслушав указания, Валетов, собравшись с мыслями, пошел к куче наваленных досок выбирать те, что получше и требуют меньше обработки.

После ужина появился Михаил Афанасьевич. Он пришел проверить, сколько успели сделать за день и заодно проведать хряка.

– Мужики, – спокойным и в то же время торжественным голосом объявил он, – завтра утром сюда придет сам глава посмотреть на животинку, которую ему привезли. Вы строительный-то мусор завтра с утра немножко так приберите, чтобы в глаза слишком сильно не бросалось. Глядишь, все будет о'кей и Протопоп Архипович вас не забудет.

* * *

На следующий день действительно все оказалось о'кей, даже больше.

Вечером Шпындрюк через своего завхоза передал солдатам два литра самогона. Афанасьевич, отдавая бутылку, сказал буквально следующее:

– Это тест, ребята. Я надеюсь, вы меня поняли.

Наркот Ануфриев просил поблагодарить от всех солдат шефа и поставил бутылку рядом со своим лежаком. После того как завхоз ушел, Олег поднялся и двинул речь:

– Мужики, не пьем.

Резинкин скривился, подумав: «Да, только колемся».

– Если нас увидят пьяными, нас отсюда попрут. Видели, какой он подлый? Специально самогон прислал, хочет, чтобы потом нас комбат отымел.

Небольшой человек, маленький, лысенький, чем-то напоминающий бухгалтера в своих очках в золотой оправе, он не сказал солдатам ни одного слова, прошел под навес, посмотрел на коричневого хряка, развернулся и вышел.

– И где спасибо за то, что мы его свина приютили практически у себя и согреваем его собственным теплом? – попытожил Ануфриев. – Урод. А самогонку не пьем!

Никто не поддержал предводителя. Простаков и рад был бы сказать что-нибудь, да не мог. Он все время смотрел на бутылку и глотал слюну. И так на сухом законе уже два месяца. Это ни один молодой здоровый организм не выдержит, особенно если вот она, чистая, и впрямь как слеза.

– Может, дашь понюхать-то? – попытался приблизиться к желанному Простаков.

Ануфриев в приступе ярости схватил бутылку и занес ее над головой.

– Здоровый, стой на месте, или я эту бутылку о твою башку разобью!

Алексей отпрянул, выставив руки:

– Не надо. Давайте оставим, может, под конец погуляем.

* * *

Валетов в ночь снова пошел дежурить. Он снова сидел, закутавшись в фуфайку, и смотрел то на луну, то на звезды. Около двух ночи с дороги, по которой и днем-то две машины в день проезжало, послышался шум двигателя. Потом все стихло.

Фрол притаился. Перепугавшись, сиганул с пенечка, на котором восседал, и распластался по земле. Он напрягал зрение, но так ничего и не мог разглядеть. До его уха долетел шорох, затем размеренное поскрипывание. Шли по битому кирпичу.

Выставив вперед мощный фонарь, который дал завхоз, он включил его, освещая то место.

Сноп света выхватил из темноты двоих мужиков, идущих один за другим. Они резко остановились, щуря глаза, а затем шуганулись в темноту.

– Мужики, грабят! – заорал Валетов визгливо.

Послышался шорох, пацаны начали выбегать на улицу.

– Че, где?

– Два козла! – орал Валетов, указывая пальцем в сторону.

– Где, где?

Пока он сообразил, что никто из выскочивших ничего толком не видит в ночи и все его суетливые жесты остаются загадкой для остальных, визитеры ушли.

– Где? Кто? – Простаков пытался застегнуть на себе фуфайку.

– Тихо, вы! – рявкнул Ануфриев.

Все затаились. Не так далеко снова треснула ветка, затем завелся двигатель, и машина уехала прочь.

Простаков почти на ощупь нашел Валетова:

– Ну ты как, не обоссался?

– Был готов, – сознался Фрол.

– Ты хоть разглядел их? – к говорившим подошел Ануфриев.

– Какие-то два мужичка, таких приземистых. У одного кепка на голове черная. Другой тоже весь в черном. Лицо узкое такое.

– Да, многое ты увидел.

– Нет, вы че, мужики, я их узнаю. Они оба маленькие такие, ну вот как я. И рожи у них сморщенные. Им лет по сорок – по сорок пять. Синяки, наверное.

– Может, это из тех, кто работал здесь.

Все посмотрели на очень умного Резинкина, пытаясь рассмотреть лицо этого интеллектуального монстра.

– Ты просто Шерлок Холмс. Валет, давай включи фонарь, а то мы тут все потерялись и обратно под навес не вернемся. А ты сиди, сторожи. Хорошо орешь, всех поднимаешь, – похвалил Ануфриев. – Пошли спать. Нечего тут делать, они сегодня уже не сунутся.

Снова Фрол сидел один, и его била мелкая дрожь.

– Блин, вот дела, во понаехали. Е-мое. Что же делать? Здесь же собаки нет. Собаки нет. Была бы собака. С собакой не так страшно. А чего это я один сижу? Вот они выскочили, а в следующий раз не выскочат. Дадут мне по башке. И как это они видят все в темноте? Идут, ведь знают, куда идут. Опять, опять к кирпичам шли. Я же видел, видел ведь.

Успокоиться ему удалось не скоро. В четыре утра его сменил Резинкин, а Фрол пошел кемарить до завтрака.

* * *

Ануфриев проснулся в плохом настроении. Его крик «Валет, подъем!» разбудил остальных.

– Никогда не думал, что я буду просыпаться под пердеж хряка. Давай вытаскивай эту тушу на улицу, мы здесь скоро все говном провоняем.

Валетов открыл глаза, быстро поднялся, не понимая, по какой причине вопли.

– Забирай животину отсюда. Е-мое, давайте строить быстрее. Когда мы его отсюда отселим, а?

– погоди, – оскалился Сизов, – ему еще подружку привезут, потом они детишек понаделают. Вот тогда мы нанюхаемся.

– Пошел ты знаешь куда? Какая подружка? Пока мы не достроим, нефиг сюда возить свиней.

Валетов не стал дожидаться очередных грубостей, отодвинул деревянный щит, который наспех сколотили в день привоза Терминатора, и вяло похлопал хряка по спине. Хряк, поглядев на него с некоторым интересом, пошел во двор.

Ануфриев уже был за спиной у Фрола:

– О, опять навалил целую кучу. Убирай давай, воняет.

Валетову ничего не оставалось делать. Перед завтраком чистить хлев – это его работа.

Разделавшись с утренними делами, Фрол был предоставлен на некоторое время сам себе. Он сидел и смотрел, как свин лопают из корыта, которое раздобыл завхоз. Остальные уже занялись строительством. Фрол выгадывал для себя минутку-другую, пользуясь тем, что сидел за стеной и сейчас Ануфриев не мог видеть, что он сидит без дела. Его после ночи снова клонило в сон, и он завидовал Терминатору, который мог спать, когда ему захочется.

Фрол подошел к производителю в то время, когда он долизывал свою трапезу, засунув рыло в угол корыта, где осталось немного аппетитной каши. Вылизав все, хряк рыгнул и переместился к старому тазу, в котором для него была налита вода. Усосав с полведерка, свин довольно пошевелил ушками, поглядев потеплевшими глазками на своего нынешнего хозяина, и, повернувшись к нему крохотным скрюченным хвостиком, сделал пару шагов, после чего брыкнулся на зеленую травку, подставляя огромное тело под теплые солнечные лучи.

Валетову пришлось довольно долго размышлять над тем, каким же образом ему попытаться выдрессировать это уже здоровое и сформировавшееся животное. Вот в цирке моржам рыбу дают. Это он знал, по телевизору видел. Коты валерьянку любят. А вот этому чего посулить? Сахар? Сахар лошадям вроде как предлагают. И собакам конфеты дают.

И тут его осенило. Спустя два дня после того, как самогонка была принесена и поставлена Ануфриевым за собственный лежак, никто о ней больше и не вспоминал.

Фрол откинул брезентовый полог, вошел в жилое помещение, достал бутылку самогона, откупорил ее и налил примерно грамм сто пятьдесят в металлическую кружку. Потом он вышел на улицу и подошел к Терминатору, дав ему понюхать пахучую жидкость.

Свин вначале поворотил морду, затем потянулся к кружке.

– Экий ты, – улыбнулся Валетов, – вот так, теперь я знаю, чем тебя зацепить.

Он подошел к тазу, в котором была вода, вылил большую ее часть, а в остальное вплеснул самогон. Свин немедленно подошел к пойлу и с удовольствием вылизал алкоголь. Вряд ли в своей жизни Терминатор пробовал спиртягу, потому как, закончив пьянствовать, он отошел от корыта, сделал несколько шагов и тут же снова повалился.

Довольный удачным экспериментом, Валетов снова сходил за самогонкой. Теперь он действовал куда более экономно. Плеснув в кружку совсем немного, он вытащил кусок хлеба и смочил его самогоном. С этой импровизированной конфетой он снова появился перед валяющимся на травке Терминатором и поводил ею у него перед пятакон.

Свин отреагировал, поднял морду.

– Вкусно, правда? – Валетов кинул производителю кусок хлеба, который был тут же счавкан с превеликим аппетитом.

Желая кушать еще и еще, свин поднялся на ноги и теперь уже не желал отходить от Фрола. Уроженец города Чебоксары сделал два шага назад, и ровно на эти два шага свин приблизился к нему. Тогда он отошел еще дальше, Терминатор незамедлительно последовал за ним. Было похоже, что они связаны невидимой нитью.

«Как он быстро понимает, – мелькнуло тревожное в голове. – Ведь так можно и приручить, на самом деле придется спать с ним в обнимку».

Сдобренный самогоном хлебушек быстро закончился, зато теперь животина была управляемой. Фрол говорил:

– Иди сюда.

И животное, желая получить лакомство, подходило к нему и подбирало бросаемые Фролом куски. Кормить кабана с руки Валетов не решался.

Пришлось снова вернуться за хлебом и за самогоном. Теперь Фрол строил весьма амбициозные планы по воспитанию животного.

– Вот пацаны удивятся, когда увидят, как я обращаюсь с этой здоровой тушей.

То, что задумал сейчас Валетов, было весьма рискованным занятием, но он надеялся на то, что на его стороне скорость и ловкость, которые помогут в случае чего унести ноги.

Взяв еще хлеба и самогона, Валетов снова вышел на улицу. Перед тем как закупорить большую бутылку, ну, грешен, грешен, он принялся и глотнул для смелости.

Спирт обжег горло и пищевод, но через некоторое время тепло разлилось по всему телу. Как раз то, что нужно. Теперь он готов осуществить задуманное.

Подойдя к Терминатору, Фрол кинул к его ногам очередную подачку. Животное тут же слямзило ее и удовлетворенно заурчало. Следующий кусок полетел чуть в сторону, и производитель был вынужден повернуть свою голову. Улучив момент, Валетов, который весил раз в двадцать меньше, чем это здоровое животное, запрыгнул хряку на спину и обхватил бока ногами. Туша остановилась на месте, так и не притронувшись к куску хлеба, затем резко взялась с места и пошла галопом. У Валетова хватило сообразительности моментально спрыгнуть с «жеребца», и Терминатор тут же остановился. Развернулся, подошел к куску хлеба и как ни в чем не бывало сжевал его.

– Ладно, морда, – огрызнулся Фрол, стряхивая пыль со штанов и кителя. – Эксперименты будут продолжены, а сегодня больше ты самогона не получишь.

В следующее утро Валетов выяснил, что у животных весьма неплохая память на все, что касается вкусной жвачки. Почуввав кусок хлеба, смоченного в самогоне, Терминатор немедленно подошел к Фролу и поднял рыло вверх, разглядывая человека.

– Ха-ха, – ухмыльнулся Валетов и стал отходить от кабана, который немедленно последовал за ним, – вот, дружок, теперь к ноге.

Но вместо «к ноге» получилось так, что Терминатор боднул неловко головою Фрола, и тот едва не упал. Он перепугался, вспомнив свои собственные слова о том, что свиньи людей едят. Он немедленно выбросил весь хлеб, который приготовил для тренировки, и махнул рукой.

Только еще через день он заново повторил попытку забраться на этого жеребца, и, надо же, на этот раз свин стоял как вкопанный, не делая никаких попыток сбросить седока.

«Может быть, я для него слишком легкий? – думал Валетов. – Ведь какая туша, еле сажусь на него. Что для него мои шестьдесят килограмм».

Подождав немного и убедившись в благодушном настроении кабана, он кинул ему хлеб со спиртягой. Терминатор сделал несколько шагов за подачкой и слизал с травы лакомство. Спрыгнув с борова, Фрол, довольный таким удачным поворотом дела, обошел вокруг туши и снова запрыгнул на нее. Производитель дернулся, но остался стоять на месте как ни в чем не бывало.

– Какие мы воспитанные, – заговорил ласково Валетов. – Какие мы умные.

Его рука потихоньку хлопала животину по спине. Теперь надо было усложнить условия. Следующей задачей, которую себе поставил новый укротитель, было желание заставить кабана двигаться в том направлении, в котором хочет восседающий на нем жокей.

Сидя на борове, Валетов тихонько ударил пятками в бока. Тот немедленно взбрыкнул, словно лошадь, и понесся. Пробежав метров семь-восемь, резко остановился, и Фрол, не удержавшись, перелетел через голову своего «аргамака» и едва не врезался головой в отдельно стоящее дерево типа рябина. Поднявшись на ноги, он резко заявил поросю, что сегодня тот больше никаких кусков не получит.

День прошел без происшествий, а к вечеру, когда все отделение сидело за ужином и дружно уминало принесенные с кухни Валетовым картошку с молоком, к солдатам подошел невзрачного вида мужичонка.

Фрол чуть не подавился.

– Так это он! – воскликнул уроженец Чебоксар, тыкая пальцем в тщедушного мужичка, чья физиономия свидетельствовала о частых возлияниях.

– Мужики, мужики, – попятился пришлый, глядя на то, как немедленно подорвались Простаков и Ануфриев, – вы погодите, я же сказать-то хотел. Извините за то, что ночью заходили.

Все недоверчиво косились на пришельца.

– Я, мужики, понимаете, не хочу никому неприятностей.

– Мы тоже никому ничего не хотим, – ответил за всех Ануфриев. – Чего тебе надо?

– Э, мужики, знаете, я же хочу сказать. Через два дня там наши собираются к вам снова нагрянуть. Понимаешь, мужикам постоянно хочется, – он щелкнул себя пальцем по горлу, – а с деньгами у нас туго, поэтому ждите гостей.

– Это когда? – переспросил Ануфриев.

– Вот, – мужик закатил глаза к темнеющему небу, – вот сегодня ночь, завтра ночь, а третьей ночью полезут. Я их отговариваю, не слушают меня.

– И сколько человек будет? – Алексей начал незаметно для самого себя сгибать и разгибать алюминиевую ложку в руках, так что в конце концов она сломалась. Он раздраженно бросил обломки на сделанный несколько дней назад Валетовым стол и, не моргая, уставился на алкоголика.

Пришлый смотрел с ужасом на то, как глаза здорового детины наливаются кровью.

– Да вы так не волнуйтесь, че вы, я же сказал, – начал пятиться он.

– Чего хочешь за это? – Сизов сообразил, что просто так такие вещи не делаются и люди друг друга не закладывают.

– Вы бы замолвили там за меня словечко перед Михаилом Афанасьевичем, скажите ему, что Андронич заходил, предупредил вас, теперь вы будете знать. Под утро полезут. Меня с ними не будет, готовьтесь.

Ануфриев крикнул:

– Всегда готовы! Значит, говоришь, придут через два дня?

Мужик облизал пересохшие губы:

– Ну да, типа того.

– Ладно, скажем. У вас тут, видать, с Афанасьичем свои отношения.

– Точно, точно, – Андронич улыбался, переминаясь в старых зимних ботинках без шнурков. Вроде как надо было уже уходить, а в то же время никто ему еще ничего не подал.

– Есть хочешь?

– Не-а. Может, выпить чего есть?

Скривившись, Ануфриев поднялся, откинул брезентовый полог и направился к своей лежанке. Достал бутылку с самогоном и обомлел. На улицу он вылетел с красным от ярости лицом.

– Ублюдки, кто лизал? – потрясал он наполовину опорожненной бутылкой.

Все съезжились.

– Здоровый, это ты тут лижешь?

– Ты чего, Олег, – обиженно забубнил Простаков. – Я же с тобой все время. Когда мне пить-то?

После этого все устремили свои взоры на Фрола. У него одного было время на то, чтобы прикладываться к бутылке.

Валетов поглядел на сослуживцев и тихо-тихо выдал:

– Я все объясню. – Он опустил голову в пустую тарелку и больше не собирался оправдываться.

Решив оставить разборки на потом, Ануфриев налил самогон стукачу, так, с полкружки. Тот поблагодарил, от куска хлеба отказался и залпом выпил, закусив при этом мануфактуркой – попросту втянув носом воздух из ватной подкладки фуфайки.

– Спасибо, мужики, и будьте готовы, – погрозил он пальцем, – на третью ночь нагрянут.

Гость ушел. Церемония с самогонкой дала Фролу время на то, чтобы он успел придумать оправдание своим действиям. Все молча ждали. Мелкий поднялся из-за стола и с преисполненной собственного достоинства интонацией начал декламировать:

– Я ни капли в рот не брал.

Его тут же перебил Ануфриев:

– Куда ж ты дел целый литр, козлина?

– Мужики, я свинью дрессировал, честное слово, все ему скормил. Хлеб в самогонке мочил.

– То-то, я гляжу, у нас совсем сухарей нет, – тут же подметил Простаков, любящий погрызть в перерывах между работой, да и на обед с ужином, немножко сухариков, которых они одно время понаделали, пользуясь большим количеством дармового хлеба.

– Мы целыми днями пашем, а он тут свинью дрессирует. – Сизов подошел к стоявшему Валетову и ударил его кулаком в лоб. – Ты чего, совсем потерялся? Пусть этот свин все время стоит в загоне. Будешь работать вместе с нами.

– Это верно, – согласился Ануфриев. – Теперь давайте, – он посмотрел на бутылку, – чего уж здесь осталось, подавайте кружки.

Мужики загудели.

Фрол, оставленный в карауле на большую часть ночи, добросовестно развалился на кирпичиках, тем самым закрывая их собственным телом от возможных грабителей. Остальные спали по лежанкам, заглушая своим храпом возню Терминатора.

* * *

В наказание за профуканный самогон на следующий день Фрол стоял у ванны и замешивал раствор. Это оказалось весьма нелегким делом, но возражать дембелю он не решался.

– Будешь теперь у нас штатной бетономешалкой, – напутствовал его перед началом работ Ануфриев, – и гляди, найду хоть один комок или непромес, будешь всю ночь этот раствор мешать.

Валетов был склонен верить Ануфриеву, но Простаков не сдержался – все-таки они с Фролом друзья, что ли.

– Это жестоко, – отметил он.

– А ты, гора, молчи.

– Чего? – Алексей набычился.

– Ладно, ладно, пошли. Хавку надо домашнюю обрабатывать. Не просто так тебе жрачку-то дают, здоровый.

* * *

Свина в этот день вообще на воздух не выводили, он все время провел в стойле, и Валетову, который навестил Терминатора в обед, показалось, что хряк выражает заметное беспокойство тем, что его не вывели на природу, а еще, видимо, отсутствием коньяка в шоколаде.

Пожалев свина, Фрол отрезал ломоть черного хлеба и, еще не успев подойти с этим куском к нему, был вынужден отшатнуться, потому как здоровая туша, навалившись на хлипкую загородку, рванула к нему.

Перепугавшись за загон, Валетов бросил кусок в стоящее перед свином корыто и увидел, как за мгновение хлеб исчез в его утробе. Терминатор глядел на Фрола, как Фролу казалось, насупившись. Понятное дело. Он не ощущал на языке знакомого вкуса. Но пока он еще надеется получать в каждом куске черного хлеба немного алкоголя.

До двух часов благородным и справедливым Ануфриевым был объявлен перерыв. У Фрола оказалось достаточно времени для проведения новой дрессировки. Когда он показался на улице с хряком, Сизов посоветовал ему убраться куда-нибудь с глаз подальше.

Фрол не стал слушать и на глазах у пораженных пацанов забрался на спину Терминатору.

– Оп-ля, – вскинул он вверх руки, как цирковой наездник.

Все скривили морды. Никто и подумать не мог, что эту животину можно приучить терпеть на спине человека.

– А ну-ка покатайся на нем, – заинтересовался Ануфриев.

– Да ни фиги идти он не хочет, – оправдывался Фрол. – Вы взяли и всю его приманку выпили вчера.

– Ты тоже пил, – заметил Резинкин. – Не меньше остальных, между прочим.

– А ты знаешь, – воодушевился Ануфриев идеей заставить борова двигаться, – как ленивого ишака заставляют идти вперед? Берут на палку что-нибудь вкусное, привязывают и впереди морды у него держат, а наездник на спинке ишака сидит. Ишак думает, что он сейчас два-три шага сделает и достанет лакомство, но приблизиться к заветному куску не может. Так и идет.

Валетов тут же спрыгнул, нашел какой-то шест, кусок веревки, привязал к нему черный хлеб и снова запрыгнул на Терминатора. Вытянул вперед палку перед мордой животного так, чтобы он смог видеть кусок хлеба.

Рот производителя наполнился слюной в сладком предвкушении лакомого кусочка. Как хрестоматийный ишак, свин сделал несколько шагов вперед, но, к его сожалению, так и не приблизился к лакомству ни на сантиметр. Народ, рассевшись за столом, довольно заржал:

– О, получается!

Тем временем свин продолжал делать безуспешные попытки дотянуться до куска хлеба.

– Гляди-ка, получается! – орал Резинкин. – Давай, ходи кругами.

Но Фрола замкнуло. Он сидел на хряке и не мог пошевелиться. Здоровая туша, перемещающаяся в пространстве, заставила его на мгновение оцепенеть. Тем временем хряк ускорял свой ход и направлялся не куда-нибудь, а прямо на стол, за которым сидели невольные зрители. Через несколько секунд солдат со своих мест как ветром сдуло. Они бросились врассыпную. Каждый орал Фролу, чтобы тот повел палкой куда-нибудь в сторону, чтобы заставить хряка развернуться. Но Валетов не подавал признаков того, что он находится в здравом уме и твердой памяти. Он несся на сделанный своими же руками стол.

– Брось палку, придурок! – выкрикнул, подбежав к нему не больше чем на метр, Простаков.

Да так громко, что если бы эта палка была и у Терминатора, он бы ее тоже выкинул.

Валетов свалился, дурилка выпала из его рук, свинья тут же подошла и съела хлеб, а все остальные замерли. До стола оставалось всего несколько сантиметров.

– Ну ты и идиот! Дурной! – ругался Ануфриев. – Хорош сидеть, пошли работать.

Уходя, все невольно оборачивались на спокойно стоящего на месте Терминатора, пережевывающего все же доставшийся ему хлебушек.

Фрол сел на деревянный чурбан и закурил. Он хотел хоть немного унять дрожь.

Подъехавший к стройке грузовик, груженный кирпичом, возвестил о предстоящей интенсивной разгрузке. Всем пришлось бросить свои строительные дела и заняться тупым перетаскиванием тяжестей. Еще не успел водитель вылезти из кабины, а уже во двор вбежал Михаил Афанасьевич, перебирая своими цыплячьими кривыми ногами и радостно потирая руки. Длинномер привез пятнадцать тысяч штук. И все красный кирпич. Поздоровавшись с водителем, он заглянул в кузов, смерил взглядом аккуратно стоящие упаковки, удовлетворенно хмыкнул и посоветовал солдатам побыстрее начать разгрузку, чтобы к вечеру отпустить машину.

Фрол приглядывался к водителю, который, как ему казалось, все время прятался от солдат. Он предпочитал сидеть не на свежем воздухе, а возиться в кабине, несмотря на довольно-таки жаркий день. Видать, ему приходилось несладко, несмотря на открытые дверцы кабины, так как изредка он все-таки появлялся на улице, смачивал водой лицо и шею, а затем снова забирался к себе, продолжая греметь каким-то инструментом.

Все работали, за исключением Ануфриева. Он утруждал себя лишь тем, что показывал пальцем, что куда «ложить» и как «ложить». Его кореш Сизов издевательски носил по одному кирпичику и небрежно бросал их на землю. Остальные же – Простаков, Резинкин и Валетов – напрягались вовсю.

Разгрузив первую пачку, сделали небольшой перерыв.

– Мне кажется, я видел этого водителя, – поделился Фрол с Простаковым.

– И где?

– Где-где? Той ночью, когда я орал, помнишь? Вдвоем приходили. Один был Андронич, который стукнул на своих. Второй вот этот вот.

– А ты ничего не путаешь?

– Может, и путаю, темно было.

– Ладно, фиг с ними. Дождемся, будет и наш день. Теперь мы знаем, когда к нам гости заявятся.

Ануфриев с деловым видом подошел к наблюдавшему за разгрузкой завхозу и сообщил ему о том, что некий Андронич, судя по виду, законченный алкаш, предупредил их об ожидающемся набеге местных мужичков за стройматериалами. Охранять им и так было что, а теперь-то, когда этого кирпича несколько тысяч будет сложено, похоже, от желающих отбоя не будет.

Михаил Афанасьевич спокойно перенес эту новость и пообещал даже ракетницу дать солдатам для того, чтобы они могли в случае чего стрелкнуть и отпугнуть непрошенных гостей.

– Нам бы лучше автомат, – тут же выдвинул требование Ануфриев, но оно было встречено усмешкой.

– Гаубицу не привезти сюда?

До ужина успели все сделать. Отделение откинуло копыта еще до девяти часов и дружно храпело, за исключением Валетова, которому опять нужно было сидеть до четырех утра, дожидаясь, когда его сменит на этот раз Простаков.

Фрол мало работал, но и мало спал. Поэтому его до обеда освободили, а остальные начали готовиться к ночной битве: затачивали колья, осматривали инструмент. В общем-то, они были сила. Две кувалды, одна ножовка, два молотка. Могут поговорить с любыми уродами. Настрой был у всех воинственный. Неужели от четырех алкашей они не отобьются?

* * *

Никто спать в следующую ночь не собирался. Все думали только об одном: как бы не просто шугануть этих придурков, а, что называется, повязать с поличным.

Уже было распланировано, что Простаков и Резина с вечера хоронятся в кустах по другую сторону дороги и, после того, как подъедет машина, которая будет предназначена для погрузки ворованного кирпича, они ждут, пока синяки не приблизятся к стройплощадке, затем по-тихому нападают на них сзади.

И еще проблема: если придут ночью, со светом будет плохо. Ни черта же не видно. Синяки, видать, знают тропинку и могут по ней двигаться на ощупь. Но если шуганутся в темноту, то изловить их будет крайне сложно с одним-то фонарем. Поэтому выпросили у Афанасьевича несколько лампочек. Пару лампочек повесили на недостроенную длинную стену сарая, две штуки положили прямо на стопку кирпичей.

Теперь, если включить сразу все лампы, света будет достаточно для того, чтобы разглядеть воров и не дать им смотаться подобра-поздорову. Кроме всего прочего, Резина, заходя с тыла вместе с Простаковым, должен был, по замыслу генералиссимуса Ануфриева, спустить шины на грузовике, а по возможности, если они простые лохи и водитель не будет сидеть в кабине, а таскать с остальными кирпич, упереть ключи из замка зажигания. Тогда они впухнут по полной.

Размышления о предстоящей баталии были прерваны неожиданным появлением на стройке начальника штаба майора Холодца, который приехал на служебном «уазике». За баранкой был прапорщик Евздрихин.

Усатый недоделбанный офицер должен был каждый день торчать здесь, но прошла уже почти неделя, а прапорщика солдаты увидели во второй раз. Быстренько построились и предстали перед майором.

– Ну, вы и строители!.. Чего так долго возитесь? Надо шибче локти гнуть, чтобы производительность стены, так сказать, по экспоненте возростала и недозавезенные свины в скором будущем получили прекрасное место для, так сказать, создания семейного свинячьего очага.

Все без исключения оскорбились про себя. Он еще и недоволен. И так пашем добросовестно. Че приехал, рот просто так поразевать? Ведь в башке вообще извилин нет. Слова выучил, а связать не может.

– В общем, вы, четверо здоровых, давайте, влезайте на заднее сиденье, а ты, как там тебя?

– Рядовой Валетов.

– Во-во, ты тут останешься. Завтра я людей привезу обратно, а сегодня надо вам кое-что другое сделать. Сейчас поедете, поможете там на одном огороде поковыряться.

У Фрота душа ушла в пятки. Как это так, накануне такого дела он остается один! А как он один-то с алканоидами справится? Это же дурдом. Что ему одному делать?! Фрол уже мысленно намазывал лыжи для того, чтобы среди ночи сигануть через высокий забор и затариться в доме Шпындрюка. Туда-то не полезут.

Солдаты уехали, а Фрол остался. Теперь он один. А нет, есть еще Терминатор. Скоро его загонять обратно в стойло на ночь. Елки-палки, как же быть-то?

* * *

Вечером Фрол сам пошел на кухню в особняк, взял себе полагавшуюся порцию и вернулся обратно. Поскольку никого не было, а поварихе он ничего не докладывал, жарчки он набрал больше чем достаточно, теперь мог хоть всю ночь лопать. Но как тут есть, когда того и гляди приедут воровать, да еще так внаглую. И никто ему не поможет. Валетов не раздевался, он надел на себя фуфайку, застегнул ее на все пуговицы, напялил на голову поглубже полевую кепку и, засунув руки в рукава, сел на деревянный чурбак и стал трястись – то ли от холода, то ли от страха.

Август. Длинные деньки миновали. Где-то около одиннадцати стало темно. Он не хотел оставаться в полной темноте, но что он может поделать? Сделать откат солнца вручную? Не получится. Фрота около часа бил колотун, потом он немножко осмелел, подошел, воткнул вилку в розетку и посмотрел, как горят лампы. Света, который они давали, действительно хватало на то, чтобы разглядеть окрестности.

«Может быть, зажечь их на всю ночь и не выключать? Тогда не сунутся?» – размышлял он.

Но что-то нехорошее внутри говорило ему, что полезут они все равно. И не случайно увезли остальных, а его оставили. Они, наверное, знают, что он один, и все равно полезут. Поймают, избыют, руки скрутят, может быть, даже убьют. Хотя нет, убьют вряд ли. Зачем им мокрушничать из-за каких-то кирпичей?

Фрол еще раз посмотрел на лампочки, тускло освещающие аккуратно сложенные стопки кирпича, и снова потушил свет. Если верить Архипычу, то нагрянут под утро. Значит, часа в четыре.

Может быть, он как-то сможет встретить ворье, как-нибудь отпугнуть их? Фрол поднял тяжелую кувалду, помахал ею в воздухе, а затем с грохотом опустил на землю.

Нет, это оружие только для Простакова. Это он может махать такими штукovinaми без видимых усилий. Фролу это не подходит. Что же делать?

Валетов кемарил, уткнув голову в колени, сидя на свернутой фуфайке. С двенадцати до двух он вел бурную деятельность, и теперь ему хотелось отдыхать, но страх перед появлением грабителей не давал ему заснуть. Похоже, не спал в своем стойле и Терминатор, который то переминался с ноги на ногу, гулко топя копытами о бетонный пол, то хрюкал, выражая свое неудовольствие происходящим.

Валетов вздрогнул. Кажется, кто-то идет со стороны дороги. Сейчас он последний раз пожалел о том, что забор не перенесли, прежде чем начать стройку. Это была последняя беззаботная мыслишка в его голове, перед тем как развернулись следующие события.

В темноте раздался крик:

– А, бля!

За ним последовали приглушенные всхлипы и тишина. Валетов не был садистом по натуре, но все же он улыбнулся, припадая к земле. То ли еще будет. Видать, разведчик. Хитрые, уроды.

От дороги к кирпичам, предназначенным для строительства свинарника, вела всего-навсего одна тропинка. По обе стороны от нее разрослась густая высокая трава, мешавшая идти напрямую. Зато, ощупывая рукой высокие толстые стебли, можно было гарантированно выйти к стройплощадке даже в полной темноте.

Фрол это прекрасно знал и не видел ничего такого в том, чтобы на ночь навбивать гвоздей в доски и разложить их по тропе. Жаль, что они не пошли один за другим. Вот было бы здорово, если бы вначале напоролся тот, что шел в середине, потом сзади, а потом тот, что спереди. Но это мечта. Уже хорошо, что одного отвадил подальше. Может, теперь и ничего. И ночь обойдется. Он подобрался к кирпичам.

Со стороны дороги снова донесся непонятный шорох. Затем где-то впереди он увидел, как кто-то включил небольшой фонарик. И раздался громкий шепот:

– Суки. Что они тут понаделали!..

– Заткнись, – выдохнул другой.

И снова стало тихо. Только отблески света в густой траве и шорох.

– Ползут, уроды, – шептал Валетов сам себе, – по тропинке ползут. Может, на четвереньках сюда двигаются, дорогу расчищают.

Он всего-то поставил четыре ловушки. Сейчас они их снимут, выключат свет и пойдут дальше к кирпичам.

Действительно, сняв все доски с гвоздями с дороги и убедившись, что больше их нет до самой стройплощадки, синяки снова исчезли. Теперь можно было слышать, как с дороги съезжает машина и приближается к кирпичам. Все замерло. Впереди досок не было. Оставалась только небольшая естественная лужа.

– Как только раздалось хлопанье, Валетов, не задумываясь, воткнул вилку в розетку. Прерывистое «а-а-а» разнеслось по окрестностям. После этого он включил и вторую вилку. Загорелись лампы. Можно было видеть, как два мужика стоят и трясутся под напряжением, а еще двое не решаются к ним подойти. Наконец они каким-то чудом справились с судорогами, потому как все-таки напряжение было не очень большим, и выбрались на берег. Остальные двое перепрыгнули через пустяковую лужу, и теперь против Валетова было четверо озлобленных мужиков.

Тот самый водитель, который привозил эти кирпичи, держал в руках монтировку.

– Ну чего, пацан? Ты с нами позабавился, теперь мы с тобой позабавимся?

Широкоплечий мужик, видать, тоже весьма охочий до водки, подергал его за рукав.

– Не надо сейчас, – зашушукал другой, – нам кирпичи нужны. Его просто свяжем.

Валетову перспектива быть связанным показалась не слишком заманчивой. А что он мог поделывать? Сказать «не надо»? И тут он опознал среди четверки вышедшего из тени завхоза Шпындрюка.

– Ничего, пацан, ты будешь молчать.

Михаил Афанасьевич стал приближаться.

– Будешь, будешь молчать. Навсегда замолкнешь.

Это была уже серьезная угроза. Валетов скрылся за брезентовым пологом, и мужики рассмеялись:

– Не спрячется, никуда не денется.

Один дядечка открыл завесу и обомлел. Сидя верхом на свинье и держа в руках импровизированное копьё, Валетов в свете небольшой горящей лампочки предстал чудо-рыцарем из сказки, оседлавшим огромное животное.

Полусонный Терминатор вяло водил ушами, уже привыкнув к тому, что на него время от времени залезает его новый хозяин.

– Чего вы встали? – отбрасывая брезент в сторону, командовал завхоз. – Хватайте его. Вы что, свинью не видели?

Двое, которых трясло под током, несмело двинулись навстречу Валетову. Тот моментально выставил вперед копые, на конце которого был привязан кусок хлеба. Терминатор очнулся. Может быть, и говорят, что свиньи неразборчивы в еде, но это только на первый взгляд. Вкусненькое помнят все. Огромная туша сделала несколько шагов навстречу грабителям, мечтая заполучить кусочек хлебушка при свете электрической лампочки. Острие копья тем временем угрожающе смотрело на нападавших.

– Э-э, парень.

Теперь вся четверка застопорилась. Казалось бы, чего такого, захомутать мелкого парнишку, чтобы он не мешал им заниматься своими темными делами, но как быть с десятицентнеровым кабаном, который с каждой секундой все больше набирает ход и стремится именно к выходу, прямо на них?

Воры шуганулись и стали отступать по единственной тропинке обратно к машине. Тем временем Терминатор разгонялся. Его бесило то, что который день он никак не может достать этот кусок хлеба, болтающийся на веревке, то, что вокруг посреди ночи почему-то стало светло. Яркие лампы слепили глаза, и где-то в нескольких метрах суетились какие-то мужики, от которых, кстати, пахло именно тем самым, к чему он так привязался.

Фрол, желая остановить борова, приподнял копые и убрал от его носа кусок с наживкой. Но сделал для себя неожиданное открытие: это не помогло. Свинья, чую запах алкоголя, рванула за мужиками, видать поддавшими перед операцией. Те преодолели один за другим лужу, которая находилась под напряжением. Последнему перепрыгнуть через нее не удалось, и он снова одной ногой залез в воду. Его дернуло, он споткнулся и упал. Старался подняться, но тут за этим мужиком устремился свин.

«Елки-палки!» – мелькнуло в голове у Валетова.

Дальше мыслям не суждено было продвинуться, так как Терминатор сам забежал в лужу и попал под воздействие электрического тока. Завизжав, он, обезумев, рванулся вперед, пробежал по распластавшемуся на земле мужику, что сопровождалось криками ужаса и хрустом костей. После чего свин побежал дальше. Фрол, желая удержаться на нем и не свалиться в траву, отбросил в сторону копые и крепче двумя руками вцепился в шкуру производителя.

На всех парах кабан несся за отступающими в ужасе грабителями. Следующей жертвой стал мужик, которого животное сбilo с ног своей огромной головой, когда он напоролся на небрежно отброшенный им же в сторону гвоздь, вбитый в палку. Снова крики. Свинные копыта прошлись по хлипкой спине.

= Водила запрыгнул в машину и завел двигатель. Завхоз хотел обежать автомобиль, для того чтобы забраться на место пассажира, но не успел. Обезумевший от боли Терминатор (а Фрол добросовестно вцепился двумя руками в толстую кожу) сбил с ног и завхоза. После чего свин был вынужден в ужасе шугануться: водитель начал сигналить и перепугал животину. Кое-как поднявшись на ноги, Михаил Афанасьевич забрался в кабину, и двое ретировались на стареньком «ГАЗ-53».

Терминатор услышал рев автомобильной сирены и дернулся так, что сбросил Валетова, лежащего сейчас в траве и смеющегося на фоне стонов и проклятий любителей дармовщинки. Он подошел к каждому из пострадавших и убедился, что ни тот, ни другой никуда не денутся. Свин прошелся одному по ногам, а другому по спине, что вполне достаточно для того, чтобы причинить людям серьезные увечья.

И, не думая никому помогать, Валетов быстрыми шагами направился в сторону дома Шпындрюка.

* * *

Протопоп Архипович в кроссовках и спортивном костюме с охотничьим ружьем в руке прохаживался по полю битвы и рассматривал поведенные болью лица местных алкоголиков.

– Говоришь, и завхоз мой был?

Валетов подошел и по-хозяйски, словно царь холопа, ткнул пальцем в сидящего, привалившись на стопки кирпичей, мужика, у которого была сломана нога.

– Да, был тут Афанасьич, – подтвердил мужик.

Валетов часто заморгал:

– Послушайте, Протопоп Архипович, а что же они сделали с Андронычем? Он же, считай, заложил их?

– Что вы сделали с Андронычем? – переспросил Шпындрюк, наставляя стволы на вору.гу.

– Ничего. Морду набили, – пробурчал мужик. – Если бы знали, что у вас тут свинья хуже собаки, разве бы мы полезли?

* * *

К обеду следующего дня, усталые и злые, вернулись пацаны. Они с удивлением и в то же время с раздражением смотрели на сидящего за столом Валетова, который пожирал на их глазах здоровенное пирожное с деревенским молоком.

– А он здесь кайфует! Скотина!

Ануфриев вытащил Фрола из-за стола.

– А ну, давай отжимайся, урод! Мы там за тебя, блин, пашем, е-мое, а ты тут оттягиваешься! Откуда пирожное надыбал?

– Мужики, мужики, вы чего? – обиженно лупал глазами Фрол. – Я же для вас тоже оставил. Идите. Там вон у каждого на койке лежит.

– Это ты, что ли, разделил? Чудила!

Ануфриев был весьма раздражен, поскольку, похоже, ему самому пришлось работать на неведомых плантациях и выполнять неведомую задачу майора Холодца.

– Это не я разделил. Это Шпындрюк лично распорядился, чтобы нам каждому выдали, чтоб, так сказать, работа лучше шла.

– А чтой-то он так расщедрился?

Сизов, сощутив глаза, воткнул свою желтушную морду прямо в лицо Фролу.

Валетов попятился.

– Скажите спасибо Терминатору и мне тоже спасибо скажите, – он заулыбался. – Я сегодня ночью их... – И тут он сделал соответствующий жест. – Вот что я сегодня с ними сделал. Один, без вас. – Он хотел было добавить: «Без сынов», – но прикинул, что прежде, чем бросаться такими фразами, придется еще послужить с годик. – А между прочим, завхоз оказался уродом. Это он синяков нанимал, для того чтобы они для его дома кирпич и доски со стройки воровали. Прикинь, какой придурак!

– Придурак, – согласились в голос остальные и пошли за своими пайками пирожных.

Глава 2

НАРКОТСКАЯ ПЕРЕПРАВА

*Уколи товарища в вену,
Пусть вздымается вяло грудь.
На посту подождут смену,
Дай ему чуток отдохнуть.*

Фрол так и не узнал, куда отправляли на работы его сослуживцев. Но он видел, что все были злые и уставшие. Не желая ничего рассказывать, все без исключения налопались пирожных с молоком, которые он своими смелыми действиями, можно сказать, заслужил, и, не сказав «спасибо», повалились спать.

Валетов подошел к своему спасителю и положил в корыто Терминатора кусок черного хлеба. Хряк уже привык к тому, что это просто хлеб и никаких приятных ощущений на языке не предвидится, вначале задумчиво смотрел на кусок, потом все-таки наклонился и слопал.

Ануфриев взвыл:

– Уйди от свиньи, придурок! Мы спать хотим! Ты чего, не видишь? Скажи ему, чтобы он тоже дрых. А сам иди отсюда, иди на улицу!

Повернувшись на другой бок, дембель захрапел.

Сев в тенечке, Фрол закурил и стал думать-гадать над тем, как Шпындрюк поступит со своим завхозом и сколько им еще предстоит здесь ошиваться. Все-таки лучше, чем в части. Когда хочешь, тогда и встал, когда хочешь, тогда и лег. Тут он осекся. Да, конечно, приходится ночью сидеть дежурить, но теперь к ним навряд ли сунутся. Работы у местных врачей, похоже, прибавилось с сегодняшней ночи.

Нежданно-негаданно на стройплощадку въехал «уазик» со знакомыми номерами. Из кабины выпрыгнул Холодец и направился к Валетову. Тот не знал, что ему предпринять. Орать, для того чтобы остальные вскочили, или же ничего не делать? Ведь если сейчас застукают, что они спят днем, что будет!

Тем временем майор спокойно подошел к Фролу и даже поздоровался.

– От комбата благодарность в устной форме, – сообщил начальник штаба. – Может, раньше дембельнет, если этот случай запомнит. К отпуску три дня добавил.

Фрол уже не обращал на это внимания, поскольку в один день комбат дни к отпуску прибавлял, а в другой отнимал их, и выходило, что никто никому ничего не должен.

– Пошли со мной!

Фрол больше всего боялся, что майор сейчас прикажет всех построить, но, видимо, он был осведомлен о тяжести выполненных отделением работ и поэтому даже не предпринял попытки найти кого-нибудь и не удивился вымершей стройке. Он подошел к машине и командовал садиться на заднее сиденье.

– Э... – протянул было Фрол, вытягивая руку в сторону их жилища.

– Ничего, пусть они дрыхнут. Ты вернешься.

Резво забравшись на заднее сиденье, Валетов неожиданно уткнулся во что-то белое и мягкое, пахнущее дешевыми духами и больничными ароматами. Он повернул голову, поднял ее чуть вверх и оказался нос к носу с рыжей конопатой медсестрой, чьи пышные формы просто сводили с ума всех призывников из южных районов.

Валетов тут же отодвинулся.

– Здрасьте, – поздоровался он.

– Здрасьте, – ответила незамужняя девица и весело ему улыбнулась. – Это что? Теперь мой помощник?

Холодец сам сидел за рулем «уазика».

– Да, Елизавета Дмитриевна. Воткнул, так сказать, во всех, кого нашел, и вот его поймал. Все, что могу. Хлопчик смысленый, поможет вам с вашими пробирками.

– С пузырьками, – поправила обладательница толстой длинной косы, которая сейчас лежала у нее на аппетитной груди.

Фрол, как и обычно в армии, был в непонятках, куда его везут, но предполагал, что слишком тяжелая работа не предвидится, так как захомутали его одного, а сила и мощь из него так и прут, потом – он покосился на сидящую рядом медсестру, – она и сама может перенести немало. Зачем понадобилось дергать его с места? Вот Холодец скотина, двух слов связать не может, а запомнил, кого привозил на работы, кого не возил. Он сегодня и так всю ночь вон оборону с хряком на пару держал. А теперь ему еще и куда-то ехать. Он снова посмотрел на рыжую красавицу. С другой стороны, ладно, можно и покататься. Тем более бедро у нее мягкое. Как в машину взлетел, так и врезался.

– У-у, – загудел он.

– Что случилось? – тут же обратилась к нему Елизавета Дмитриевна.

– Ничего. Все нормально, – опомнившись, буркнул Валетов.

Остановились около аптеки.

– Ну вот и приехали, – ласково сообщил Холодец, неожиданно, наверное, для самого себя правильно построивший первую в его жизни фразу.

– Пойдемте со мной, товарищ солдат, – позвала медсестра и зацокала каблуками к двери аптеки.

Они вошли в магазин, поздоровались с продавщицей и прошли через торговый зал на склад. Здесь Елизавета Дмитриевна вытащила из небольшой сумочки бумаги, села за стол и стала перебирать их. Вскоре к ним зашла заведующая. Женщина, по комплекции не уступающая медсестре, только лишь раза в два постарше, с накрученными кудрями на круглой голове.

Поздоровавшись, женщины начали возиться с коробками лекарств и отбирать то, что необходимо для медсанчасти. Из разговора стоящий и переминающийся с ноги на ногу Валетов понял: речь идет о какой-то гуманитарной помощи, доставленной среди ночи. Не знали, куда деть, и, потревожив сторожа, дежурившего в аптеке, оставили коробки и укатили. Что за спонсоры, до сих пор никто не выяснил, но привезли дельное: шприцы, физраствор, кучу таблеток. Похоже, решено было солдатикам отдавать не все, а часть пустить в продажу в поселке. Вообще-то, это не его дело, но Валетову показалось, что так поступать не слишком-то здорово.

Как понял Фрол, они пойдут в обратную сторону пешком. А понял он это после того, как они вышли на улицу и не увидели машины. Холодец уже куда-то уехал. Похоже, это было известно Екатерине Дмитриевне, она взяла в одну руку сумочку, в другую – небольшую коробочку с «колесами» и пошла в своем белом халатике, цокая бедными туфельками по асфальту. Туфельки бедные, потому как выдерживать сотню килограммов дамских прелестей не каждая обувь в состоянии, нужна прочная, хорошо выделанная.

Валетов в обеих руках тоже тащил какую-то поклажу с медбарахлом, не особо разбирая, чего несет. Но, к его радости, ноша была нетяжелой, и ему представилась масса времени на разглядывание колышающегося стана сестрицы.

Обливаясь, но не потом, а слюной, он кое-как дошел до медсанчасти, свалил коробки и осоловелыми глазами поглядел на Лизу – как он ее стал называть про себя.

– Спасибо, – пропела медсестра, – можете идти.

«Куда же это я теперь пойду, – подумал он, – без пропуска? Мне ж по поселку надо пройти, чтобы до стройки добраться». Никто, ни Резинкин, ни Простаков, не решались покинуть стройплощадку ни днем ни ночью, потому что можно было запросто нарваться на патруль, а потом объясняй, кто они такие и что здесь делают. Пока с губы заберут, там уже говна нахлебаешься. Пропуска были у дембелей, а они ему бумагу не одалживали.

– Мне вернуться надо, – мялся Фрол у двери, – вы бы мне какую-нибудь бумажку выписали, чтобы я спокойно дошел до места.

Медсестра задумалась.

– Вообще-то, моя бумажка для патруля – филькина грамота. Сейчас. – Она на каком-то бланке написала, что он направляется в аптеку, шлепнула штампик, свернула листочек и отдала его Валетову.

– Надеюсь, что этого окажется достаточно. Все-таки я тоже как-никак человек военный, целый прапорщик.

– Да, да, – сухо отвечал Валетов, стоя перед женщиной, которой бы он с удовольствием... эх! Наконец он промямлил: – Спасибо, до свидания. – И вывалился за дверь.

* * *

Добрался до места без приключений. Народ продолжал дрыхнуть, несмотря на то что дело шло к вечеру.

«Что же они ночью тут будут делать? Вот пусть сами и охраняют эти кирпичи долбанные», – размышлял Фрол, заваливаясь на свой топчан.

Первым, около шести вечера, открыл глаза Ануфриев. Тут же растолкал своего кореша, и вдвоем они начали куда-то собираться. Остальные дремали наполовину и теперь поотколупывали глазенки и стали разглядывать вставших старослужащих.

Увидев, что молодежь интересуется их сборами, Ануфриев просветил, застегивая китель:

– Мы отправились в часть. Через два часа вернемся.

Глядя, какие нервные, резкие движения они совершают, Валетов сообразил, что дело какое-то затевается нехорошее. Морды у обоих бледные, глаза блестят совсем не по-доброму. На сборы у деда и дембеля ушло не больше минуты. Оправившись, они отдернули брезентовый полог и вышли на улицу.

Простаков сел на своем топчане и покачал головой:

– Чудилы, блин. Знаете, куда они пошли?

Резина усмехнулся:

– Чего же непонятного? Со вчерашнего вечера зелье себе достали, а шприцов у них нет. Мне Сизов сам сказал, что им надо шприцы достать. Куда, думаешь, они поперлись? В медсанчасть. Сейчас будут себе придумывать болезнь, чтобы медсестра впопыхах им что-нибудь. Один комедию начнет ломать, второй украдет шприц. Так же, напрямую, не попросишь.

– Ну, – не поверил Простаков, – зачем лишний раз им свой зад подставлять? Просто так возьмут. Напоют этой толстой Лизе что-нибудь. Да она, может, их уже и знает. Это же каждую неделю надо что-нибудь искать. Иначе их ломать начинает. Нет, с ума сойти. Лучше водку пить.

Валетов согласился:

– Водку, конечно же, лучше, да только ее тоже искать надо.

– Молчи! Извел весь самогон на свинью!

– Не весь, а половину.

Резинкин незатейливо предложил Фролу собираться топать за ужином.

– Нашли себе маму, – обиделся Валетов.

Тем не менее в его животе было тоже пусто. И понятно, теперь ни тот ни другой не двинутся. Эти обязанности были навязаны ему Ануфриевым в обмен на более легкую участь на стройке. Ну что же, он согласен, согласен. Завтра они все равно будут раствор месить и кирпич класть, его дело – свинья, вот так-то.

Отправившиеся в часть кореша не появились ни в восемь, ни в девять, ни в десять. Теперь уже начали гадать, куда они запропастились. Простаков предположил, что их сцапал патруль, но в ответ услышал дружное ржание.

– Ты дурак, – веселился Резинкин, – думаешь, они просто так бы пошли? У них у обоих пропуска. По территории поселка могут ходить, куда им вздумается. Эти два пропуска им сам Холодец выписал на случай, если необходимо будет что-нибудь в часть сообщить.

Гигант пожал плечами:

– Ну, не знал я этого. Что же сразу – дурак-то?

В одиннадцать вечера Леха решительно поднялся со своего места во весь двухметровый рост.

– Надо идти. С ними что-то случилось.

– Куда идти? – завыл Резинкин. – Ты че? Они сейчас, наверное, в части на койки запали и тащатся после того, как проширялись. А ты пойдешь свою жопу подставлять. У тебя ни пропуска, ни допуска. Сейчас загребут, и что тогда будешь делать? Потом тебя идти искать.

– Надо всем идти, – твердо сообщил сибирский охотник. – Что-то тут не так. За шприцами сходить – два часа, тем более пропуска есть. Думаете, они бы в части остались? Вот и я говорю, не остались бы. Так что нечего сидеть, тушите свет и пошли на поиски.

* * *

Троица прошла по тропинке, окруженной с двух сторон высокой травой, и вышла на усыпанную мелким гравием дорогу.

– Как пойдём? – прошептал Валетов.

– Ясно, не в лоб. – Резинкин завертел головой, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

– Вон там свет, пошли туда, – сказал Простаков.

По общим очертаниям здоровой руки двое напарников догадались, куда предлагает направиться гулливер.

– Ты что, там дорога. Сейчас, только на нее выйдем, и патруль сразу заберет.

– Но мы же не можем топтать в полной темноте. Тут ни черта не видно. Надо выйти ближе к свету.

– На фигу к свету? – Валетов дернулся с места. – Подождите, я сейчас.

Он прошел по тропе обратно к свинарнику и вернулся с мощным фонарем, оставленным еще завхозом.

Изредка включая свет, трое топтали один за другим по тропинкам, по которым и днем-то пройти большое дело. Спотыкаясь и ругаясь, они пробирались по поселковым тропкам минут двадцать. Наконец остановились.

– Где это мы?

Вокруг были заросли шиповника, которые изрядно успели поцарапать руки.

Самым образованным являлся среди всех Валетов, он успел закончить полкурса политехнического института и мечтал когда-то стать архитектором, а посему пользовался в ситуации, где нужно было бы шевелить мозгами, непререкаемым авторитетом.

– Для начала надо на открытое пространство выйти. Посмотреть, где церковь. Купола с любого места видать. А по церкви определимся.

– Как ты по ней определишься? – бурчал Простаков.

– Очень просто. В какую сторону крест повернут. Из части, когда выходишь через КПП, то видно крест. Точно на него глядишь. Все завитульки видать.

Прошли еще немного, и действительно заросли шиповника кончились. Вышли на открытое место. Слева оказались чьи-то огороды, справа начиналось поле.

– Е-мое! Это вообще окраина поселка, – перепугался Резинкин. – Слушайте, куда мы забрели?

– Хватит причитать, как баба, – буркнул Простаков. – Я в тайге вон и то потеряться не мог, и здесь не потеряемся. Вон церковь. Нам туда.

Валетов молча согласился с охотником. Действительно, им предстояло идти через пустырь к другим домам, находящимся примерно метрах в трехстах. Там горел свет.

– Что же мы – через огороды полезем? – переживал Витек.

– Да не ной ты! Проход найдем.

Луна, чей диск был уже неполный, не могла дать слишком много света. Они шли, ориентируясь на свет дальних окон, не рискуя включать фонарь.

Простаков топал первым некоторое время, но Резинкин и Валетов взвыли:

– Здоровый, иди сзади! Да, иди сзади, – набросились они на него. – За твоей спиной ни черта не видно, а ты через наши головы все разглядишь.

Проходили мимо каких-то кустов, из которых неожиданно донесся знакомый басок:

– Э, сыны, че ходим по ночам, а?

Трое вздрогнули, от неожиданности присели.

Забейко тихонько заржал:

– Придурки, я фигею.

Петро поднялся из кустов. Его лицо время от времени освещали всполохи дымящейся в углу рта сигареты. Сделав солидную затяжку, он выпустил дым.

– Вы куда, придурки? Вы прете прямо на шоссе, там патрулей немерено. Дебилы. Вы даже ходить не умеете. Слышь, Ашот, они вообще не шарят.

Кусты зашевелились, и из них раздался небрежный голосок еще одного деда – Казаряна:

– Петя, хорош, дай им слово сказать, куда они ломятся. Как строительство идет?

Молодые узнали голос и второго деда. Старший сержант Казарян корешился с Забейко. Ничего удивительного, что они вдвоем. Земляков более нет, а они оба с югов. Ашот из Карачаево-Черкесии, а Забейко из Ростовской области. Вот так.

Фрол сделал шаг вперед.

– Ануфриев с Сизовым за шприцами пошли, до сих пор нету. Должны были в восемь прийти, на стройку вернуться. Вот мы и идем посмотреть, что с ними случилось.

– Они идут посмотреть, что с ними случилось, – передразнил Забейко. – Придурок, тебя сейчас патрули захомутают.

Казарян ехидно хмыкнул из кустов:

– Ты че, Петро, мы сами патруль.

Хохол нахмурился:

– Действительно, мы сами патруль. Но мы фиговый патруль, Ашот. Мы просто так. Сколько нам до дому? – спросил он у Резинкина.

Резина не помнил.

– Ты че, идиот, не знаешь, сколько мне служить осталось?

– Извините, товарищ дедушка, не помню.

– Эх, слоняра, придешь ты в часть после стройки, – Забейко улыбался, – ты все выучишь. Кому когда домой, кому че положено. Че делать-то будем?

– Если этих наркотов захомутают, потом ведь весь взвод наизнанку вывернут. А Сизову я башку расколупаю, – Казарян начал злиться на незапланированную, но уже случившуюся фигну. – От этой дряни никак отвыкнуть не могут. Я же тоже покуривал, так ведь больше не дую, бросил.

При этом Казарян затянулся. Простаков чего-то недопонимал.

– А сейчас чего ты делаешь? – спросил он.

– Идиот! Травку бросил курить, травку. В общем, так, – Забейко понял, что сегодняшней кайф обламывается, и, вместо того, чтобы балдеть под открытым небом, придется помогать. – Не, мужики, вы, конечно, круто поступаете, своих бросать не надо. Бля буду. Но у вас мозгов совсем нет. Это точно. Сейчас, короче, давайте так: мы с сержантом Казаряном – патруль, вы

– задержанные. Спокойно проходим на территорию части. Мы знаем, они хотели за шприцами идти.

– За шприцами? – Казарян оправил форму, посмотрел, на месте ли красная повязка патрульного, и выплюнул сигарету. – О, значит, они в медчасть поперлись.

– А где третий? – тихо спросил Фрол.

– Какой третий?

– Ну, в патруле же должно быть трое.

– Это не твоего ума дело, где третий. Пошли.

Двое в парадной форме вели по асфальтированной дороге в часть «задержанных».

Забейко начал:

– В общем, сейчас вы, слоны, вместе с нами идете в медсанчасть. Я эту жопастую Лизу уже давно знаю. Если они у ней там были, все нам доложит и разложит.

– Кого ты там застанешь, придурок. Время – двенадцатый час. Никакой Лизы уже там нет. Там все закрыто.

Все заткнулись и молча топали дальше. Было ясно как день, что все равно начинать надо именно с медсанчасти.

Выведенную из Германии дивизию расквартировывали по всей Самарской области. Отдельному батальону, которым командовал подполковник Стойло-хряков, досталось неплохое хозяйство. Казармы, столовая, штаб – все было готово. А вот медчасти не было. Решили, после того как заехали, своими силами сделать избу. Сказано командирами – сделано солдатами. Благодаря принятому решению сейчас медблок находился за казармой по соседству с губой. Как удобно: если морду в казарме набили – бежишь в медблок, если на губе – опять в медблок. И расстояние небольшое.

Простаков подошел к окошку и заглянул в лазарет. Все койки были заправлены.

– Там никого, – прошептал он.

– Нет, ты подумай, – качал головой Казарян, – ни одного косаря нет, все служат. Невиданное дело.

– А че косить-то? – размышлял Забейко. – Лето, тепло. Не зима же. Зимой можно потариться в медичке, а сейчас че тариться? Ну че, будем вскрывать?

Одиноко горевшая лампочка над входом освещала плотно закрытую дверь.

– Погоди вскрывать. Давай по остальным окнам прошарим. Простаков, бери фонарь, пошли со мной. Остальные – отхлынули в кусты.

Забейко пошел вперед, а гулливер последовал за ним. Подошли к окошку.

– Во, тут врач сидит. Посвети.

Луч света пробежал по шкафчикам с лекарствами, по столу с какими-то бумажками, перепрыгнул на пустую кушетку для осмотра больных. Никого. Следующая комната: кладовка. Стопки чистого белья, какие-то коробки. Идут дальше. Дальше процедурный кабинет. Здесь когда-то побывал Забейко, когда они нажрались незрелых арбузов. С ними тогда такое творилось! Петро поморщился от нахлынувших воспоминаний.

– Ну, посвети.

Простаков поднял над головой фонарь, и луч света сразу же выхватил из темноты две толстые голяшки.

– Они ее замочили! – Забейко отшатнулся и как-то даже подогнул колени с перепугу.

Последовала обычная трехэтажная брань, затем парочка разведчиков отвалила в кусты к остальным. Известие о том, что толстожопая Лиза лежит на полу и не шевелится, а разглядеть они могли только ноги, всех потрясло.

– Надо внутрь лезть, – басил Простаков, – может быть, она живая еще.

– Точно, здесь наркоты были. Пойдем, еще раз посмотрим через окно.

Забейко с гулливером вернулись на прежнюю позицию.

– Давай, длинный, гляди, чего там творится, – приказным тоном Петро заставил «телебашню» разглядеть ситуацию в комнате.

Прильнув к окну и задрав выше головы фонарь, Простаков стал осматривать процедурный кабинет. Он не мог видеть полностью лежащую на полу медсестру, потому что она находилась где-то слева, в углу, почти у самой несущей стены. Напрямую его отделяло от нее меньше одного метра. Простаков медленно стал осматривать комнату. В середине стоит высокий лежак, покрытый белой простыней и затянутый полиэтиленовой пленкой. Справа ящик с какими-то бутылками. Большой стол, предназначенный для проведения медицинских манипуляций, сейчас лежал на полу, и, видимо, находившиеся на нем банки с какой-то жидкостью упали и разбились, в результате на сером линолеуме оказалось много стекла. Кроме того, он видел использованные иголки, разбросанные в беспорядке, большой кусок ваты.

Перестав разглядывать помещение, он повернулся.

– Видать, она сопротивлялась. Стол перевернули.

– Е-мое. – Забейко бросился опять в кусты, Простаков за ним.

– Ашот, уходим. Ну ее на фиг. Здесь мокруха, жопа, короче. Е-мое, в такое дерьмо вдрязгаться.

Два деда сунули руки в ноги и сиганули прочь, не говоря ни слова молодым.

– Да, пацаны, бросать своих – это в падлу, – произнес Валетов, после того как «старых» не стало. – А сами взяли и сиганули.

– Перессали, – согласился Резинкин. – Ну че, мы лезем?

Простаков вздохнул:

– Может быть, они ее только оглушили? Неужели мы оставим ее здесь? Может быть, она еще жива.

– Через дверь войдем? – спросил Валетов, поглядывая на широкие плечи Простакова.

– Нет, дверь освещена. Сейчас кто по части пройдет, увидит взлом – все, нам кобздец. Давай в окно.

Они обошли медицинский блок и стали проверять прочность рам. Ни одна не поддавалась, и пришлось решать, какое же стекло выносить. Не мудрствуя лукаво, решили забираться непосредственно в кабинет, где лежала медсестра.

Простаков попросил у Валетова носовой платок. Он точно знал, что у Фрола таковой имеется. Все ж как-никак интеллигент, полкурса института. Приложив ткань к форточке, Простаков невидимым усилием выдавил стекло внутрь. Стеклышки звякнули. То же самое он проделал и со вторым стеклом. Выбрал осколки.

– Ты че делаешь? Ты че делаешь? – тараторил Резинкин каждый раз, когда Алексей применял силу.

– Не мешай, – бурчал гулливер.

Когда форточки были удалены, здоровяк кивнул головой на проделанное отверстие, собрал из своих здоровых ладоней одну небольшую ступенечку, присел и, глядя на Валетова, предложил ему пролезть в форточку, для того чтобы открыть раму изнутри, а если удастся, то и входную дверь, чтобы они по-быстренькому прошмыгнули внутрь и после этого сориентировались в ситуации.

– Слушай, – шептал Резинкин, – а если она мертвая, мы залезем, и нас застукают, мы же не отмоемся.

– А если она живая? Дело пяти минут. Если с ней все, то мы просто уходим.

На том и договорились. Валетов ужом юркнул в кабинет вперед ногами. Он даже и не пытался открывать окно, а тут же скрылся из глаз, склонившись, видимо, над медсестрой.

Очутившись внутри, Фрол увидел Елизавету Дмитриевну, лежащую без чувств рядом с батареей отопления. Склонившись над ней, он пощупал пульс на запястье. Ничего. Тогда он

начал искать сонную артерию на шее. Ему показалось, что кожа у медсестры холодная, и он отдернул руку.

Вытерев со лба пот, Валетов снова склонился над женщиной и уже более уверенно пытался прощупать живительные толчки. Вроде есть, а вроде и нет. Какая она здоровая. Он ее один ворочать не сможет. Надо бы положить поудобнее. Или все-таки вначале убедиться, что с ней все в порядке? Вдохнув и выдохнув, Фрол расстегнул халат и полез, надеясь нащупать пульс непосредственно на самом сердце.

Только он запустил свою ладонь под левую грудь и стал пытаться услышать что-нибудь, размышляя над тем, что, очень может быть, он лапает труп, отчего просто тянуло блевать, неожиданный удар по голове отбросил его в сторону. Он взвыл в полете.

– Ах вы, сволочи! – разъяренная мадам вскочила на ноги.

Фрол пятился назад.

– Э-э-э, – кричал он, – остановитесь, вы что?

Она стояла, лупая глазами и одновременно застегивая на себе халат.

– Я думал, вы того-этого, померли тут. – Фрол тряс головой.

– Ой, прости, пожалуйста, прости, пожалуйста. – Елизавета Дмитриевна поняла, что переборщила с гостеприимством. С другой стороны, не могла же она знать, кто это сейчас ее тискает и с какими целями.

– Я просто пульс хотел нащупать.

Не глядя и не слушая солдата, она подошла и опустилась на твердый металлический стул, закрыла лицо руками и зарыдала.

Решив, что товарищу прапорщику надо дать время на то, чтобы она пришла в себя, Валетов побежал к входной двери.

Простаков и Резинкин ввалились в процедурный кабинет. Фрол нащупал выключатель. Теперь в комнате стало светло. Елизавета Дмитриевна уже справилась с волнением и поднялась, глядя на солдат. Потом остановилась взглядом на Валетове.

– Извините, – пробормотала она.

Голова у Фрола после такого удара просто пухла. Он, неожиданно для себя, закатил глаза и рухнул. Простаков даже не успел подхватить его.

– Что же я наделала! – взвыла медсестра, хватая с пола Валетова, словно ребенка, и укладывая его на высокую широкую кушетку, стоящую посередине комнаты. – Ну что вы встали?! – вскрикнула она навзрыд. – Вон в ящике нашатырь.

Потом она махнула на солдат рукой, повернулась, сама открыла ящик и взяла оттуда пузырек. Подняла с пола рулон с ватой, оторвала кусок, смочила его в едкой летучей жидкости и начала водить под носом у Валетова.

Тот быстро очнулся, вскрикнул, резко приподнял голову и затем снова рухнул как мертвый.

– С ним все будет хорошо, с ним все будет хорошо, – бормотала она, обхватывая голову руками. – А шприцы бы я им все равно не дала, наркоманы какие-то. Узнаю – все, конец им. Обязательно комбату пожалуюсь.

Простаков поглядел на Валетова, лежащего неподвижно. Резинкин нашелся:

– Тогда мы тоже пожалуемся. У него, поди, сотрясение мозга. Человек при смерти.

Медсестра опешила:

– Я не знала.

– А может, они тоже не знали, что вы им шприцы не дадите?

– Вы их еще и защищаете? – товарищ толстопопый прапорщик-женщина лупала огромными глазами.

– А почему бы нам не защищать, вы вон чего с людьми делаете, по башкам их бьете, – дожимал Резинкин, склоняясь к Фролу и заботливо прикладывая ладонь к его лбу.

– Куда они пошли? – задал самый насущный вопрос Простаков.

– Откуда я знаю? Меня же по голове ударили!

– Чем это, интересно, они вас? – озаботился гулливер, разглядывая аппетитную фигуру.

Когда они выходили из медсанчасти, Резинкин не умолкал:

– Ты видел, какая? Твой калибр, твой размер. Такие формы. Ты бы ее прям сейчас, да?

А ля-ля-ля-ля...

– Заткнись. – Простаков чесал лоб, затылок, пупок и все, что ниже. – Где мы будем искать этих придурков? Ведь сейчас она Валетова выходит и потом напрямиком к комбату. Думаешь, что хорошее будет? Нас с этой стройки отправят куда-нибудь повоевать.

– Боишься? – раскалился Резинкин.

– А ты, Витек, не боишься, да? Ты давай думай, где нам искать этих дембелей долбанных. И надо молиться, чтобы медсестра поостыла, иначе на самом деле вложат нас тут всех. Ты думаешь, комбат разбираться будет, кто за шприцами приходил, кто медсестру спасал? Ей вон по фигу.

Слушай, а за что она ему так вмазала-то? – не понимал Простаков. – Он ее спасать пришел, а она ему по башке...

– Думала, что лапать ее начал.

– А-а-а, – протянул Простаков и улыбнулся. – Сопrotивляется, значит.

– Ты че, на самом деле загорелся, что ли? Тебе мало того, что ей по башке то ли Ануфриев, то ли Сизов заехал, ты ее еще отгарабанить решил? Здоровый, успокойся.

– Ничего я не решил, – пробурчал гулливер, переминаясь с ноги на ногу и выкручивая голову. – Куда пойдём-то, где искать-то?

Они отошли немного в тень, чтобы не светиться под горящей на крыльце лампочкой, и шевелили извилинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.